

С М И Е Ш А

13

1944

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Фото Я. Босиа.

ШТУРМОВИКИ

Советская штурмовая авиация — тропа для немецко-фашистских захватчиков. Стремительноидущий, мотушливый ударом бесстрашных летчиков-штурмовиков громят вражью технику врага, сметая его прочь, встряхивают его живую силу.

Повседневную боевую работу они сочетают с посто-янным совершенствованием своего летного мастерства, чему отдают все свободное время.

На снимке слева запечатлено несколько взлетов из жизни молодых пилотов штурмовой авиации.

На среднем снимке — самолёт-штурмовик, первый боевой друг советских пилотов. Вверху справа — Герой Советского Оскола лейтенант А. Сидяков рассказывает об боях традициям своего полка. На снимке рядом слева — занятия по изучению тактической части; их ведёт старший техник-лейтенант М. Юмиссаревич.

На среднем снимке справа — учения фирмы на Севастополе сержант В. Харченко и трижды орденоносцы сержант А. Руденко. Оба они успешно работают над повышением своего летного и стрелкового мастерства. Внизу слева — лейтенант В. Король, возглавляет летным классом работы на турписте.

На снимке справа вы видите строй офицеров-штурмовиков. В любой момент они готовы нанести удар по врагу.

На 1-й странице обложки: Антон Павлович Чехов у себя на даче в Ялте. Фотошникс. 1900 года.

(Из фондов Государственного литературного музея).

М Е Ш Д

№ 13

Июль

1944 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Ник. Богословский

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

К 40-летию со дня смерти А. П. Чехова

Прошло сорок лет со дня смерти великого русского писателя Антопа Павловича Чехова.

Он умер сравнительно молодым — 44 лет, в расцвете творческих сил, оставив много незавершенных замыслов.

Быть может, ни у одного из русских классиков начала литературной деятельности не расхолаживал так резко с конечными результатами, как у Чехова. Невольно сопоставляешь скромные начинания А. П. Чехова с позднейшим беспримыслым успехом его произведений, ставших достоянием всего читающего мира и обесмертвивших навеки его имя.

Прещественники Чехова — Достоевский, Тургенев, Лев Толстой — вошли в «большую» литературу сразу же после появления своих первых вещей — после «Белых людей», «Записок охотника», «Детства и отрочества». Чехов, прежде чем перейти к подлинно художественному творчеству, пришлось выдержать многолетний и опасный искусству литературной подлинности в роли «чужака» по смешной части. Меланхолично и неуверенно пробирая он себе дорогу из недр мелкой импрессионистической журналистики к истинной литературе.

Впоследствии, уже достигнув широкой известности, Чехов писал, касаясь вопроса о том, что необходимо писателю: «Нужна возмужалость — это раз; во-вторых, необходимо чуждость и чуждость в общении, а это чувство стало разгораться во мне только недавно... Что писателю-дворянину браку у природы даром, то разночинный покумек ценою молодости». (Напомним, что дед Чехова был крепостным крестьянином).

Литературные начинания А. П. Чехова относятся к голам жесточайшей политической реакции, наступившей после разгрома народно-демократического движения и казни его вождя в 1881 году. Сатира, язвительная в цензурные кассы, попенале перерождалась в мелкобуржуазную импрессию. Двухдневный Чехов понимал, что он выступит в неурочное время. «Умно вы сделали», — писал он одному из старших литераторов, — «то родились раньше меня, когда легче и дышалось и писалось».

С 1890 года в импрессионистических журналах «Стрекоза», «Будильник», «Зритель», «Осколки», убавлявших главным образом незатейливый вкус обывателей, стали появляться короткое, смешные рассказы, меткие пародии, маленькие фелетоны, подписанные псевдонимами «Антоша Чехонте» (прозвище, которое дали Антопу Павловичу в таганрогской гимназии), «Брат моего брата», «Человек без селезенки» и др.

Так началась для Чехова шестилетний период «питания» по редакциям мелких журналов и газет. Он занялся литературной работой, по его словам, почти зря, смотрел на нее отчасти как на забаву, отчасти как на средство содержать семью и закончить медицинский факультет (гимназия). Антоша Чехонте писал с необычайной легкостью и сознавался, как не помнит ни одного рассказа, над которым он трудился бы более суток. Насколько зря был Чехов

дур ничтожным», три фелетона уважение к собственному таланту отказ от срочной работы; борющейся отношению к вычитаниям, которые понападали на обдумывание труда.

Мистифицирует балетрист сумма по первым балетам чеховской прозы угадать всё её своеобразие, пластичность и аллюизм, замечательную верность в описании природы и в изображении действующих лиц, мастерство психологического анализа, — словом, всё то, что развернулось по-настоящему в зрелых произведениях Чехова.

Непрерывный возрастной успех, приглашение сотрудничать в солдатских изданиях, высокая оценка Григоровича — всё это подкапывало Чехову, что это «мелкий работешек» нужно переходить к крупным, полновесным вещам.

Антон Павлович понимал, что за горячим одобрением должна последовать проверка его «литературной деятельности». Телери «мелочь» и «пустяки» должны были решительно уступить место таким значительным произведениям, как «Туча», «Коммисар», «Святая ночь» и др. Неожиданный для самого Чехова успех повлек за собой много незваных им до этого трудностей. Прежде он писал, «старался не портить ни расквасы образом и картин», которые были ему дороги и которыми он «чужаком прита». Теперь ему предстояло раскрыть эти заветные тайники и критическое отношение к себе обрести.

Работа стала волнующей и нервной. Слова «робо» и «боже» не сходят со страниц его писем, в которых он рассказывает о работе над повестью в этот переломный период, затрачивавший на несколько лет и внесший немало тревожных колебаний в творческую деятельность Чехова. Насколько легко и быстро писались маленькие рассказы, настолько медленно и непривычно протекала работа над повестью «Степь», «Огни», «Именины», «Случайная история», исследовавшая за пилком новизна. Он ставил писать, «алты марины» и шпильку калужу фелетон и перевертывал и до неузнаваемости изменял композицию своих произведений, отстранился более всего длиннот и ненужных подробностей.

«У меня в прошлом много ошибок, в главешки, там и опыта», писал Чехов в 1899 году. Действительно, его прежняя многоталтная работа в газетах и импрессионистических изданиях имела и свои положительные стороны. В частности она помогла Чехову выработать и довести до совершенства стиль характерную для его зрелых произведений лаконичность («Умек» коротко говорить о длинных предметах»).

От вынужденной краткости Чехов пришел к основному закону великого ищущего произведения искусства — к удалению всего лишнего. «Ведь сказать из мрамора алты, это значит удавить из 970 то кусок, что не есть алты». Так рождалась та аллюизм, та пластичность простота и та предельная насыщенность, которые делают чеховскую прозу похожей на стихи.

Своеобразие его мастерства в полной ме-

Скульптур работы худ. С. Славянского.

свого чина мастерство художника, настолько легкомысленно относился Антоша Чехонте к своему удивительному таланту и к своей работе. «Как репортеры пишут свои заметки о пожарах, так я писал свои рассказы: машинально, полубессознательно, ни мало не заботясь ни о читателе, ни о самом себе».

Однако дарование стихийно прорывалось в албом пустяке, в шпарках, в протесках, в набросках, выходящих из-под его пера. За мимолетной легкостью и внешней беззаботностью уже угадывалась в нем что-то габубое, чему предстояло разразиться впоследствии.

Первым из крупных писателей почувствовал это балетрист Григорович, который, не зная лично Чехова, написал ему в 1896 году письмо, полное горячего одобрения. В этом письме, поразившем Чехова «как молния», Григорович поставил перед молодым писателем, привыкшим «считать свой

ре казалось уже в первом большом произведении «Степь», которым он дебютировал в то время. Журналист, писатель увидел никак не видимые прежде оттенки, подслушал никак не слышимый звук, перенёс на страницы своей повести всё очарование степного пейзажа и с поразительным реализмом живописно-бегущую жизнь людей, заброшенных в бескрайние степные просторы, проникновенно показав, как обогащаются и зреет душа мальчика Егорушки, как восстаёт и широко раскрывается в длительной путешествии по степям idealный мир.

В повести «Степь» Чехов отнёс большое место пейзажу — не столько ради того, как не в этом, а в затёнутом, глубоком чувстве любви к родной земле и к её людям.

«Ещё час-другой... Попадается на пути мажорный старик-скупщик, или каменистая баба, поворачивает колёса, и когда, бесцельно пролетит над землёй ночная птица, и мало-помалу на память приходят степные легенды, рассказы встречных людей, слышанные в детстве, то что сам успел увидеть и почуять душею. И тогда в трескоте насекомых, в подозрительных фигурах и кургузах, в голубом небе, в лунном свете, в полёте ночной птицы, — во всём, что видишь, слышишь, чувствуешь, чудится торжество красоты, молодость, расцвет сил и страстная жажда жизни душа даёт отклик прекрасной, суровой родине и хочет, чтобы над степью вместе с ночной птицей».

Литературные друзья Чехова были восхищены описанием картин степной природы, богатством красок, наблюдательностью, умением передавать за внешними проявлениями жизни душевное состояние действующих лиц.

Творческие искания Антоны Павловича в это время теснейшим образом связаны с пересмотром им своих прежних литературных установок. Он должен был найти теперь предпосылки к творчеству большого писателя. Естественно, что писатель ждал не иская ответа на вопрос, каковы условия, о целях и назначениях искусства, о взаимосвязи жизни и искусства, о средствах его возвышения.

«Мой взгляд», — писал Чехов, — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, влюблённость, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от сны и ажи, в чём бы последнее это не выражалось. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником».

Этой программы гениальный русский писатель строго придерживался во всём своём дальнейшем творчестве.

О смысле возвышения чеховского искусства ярко говорит следующий эпизод из юности В. И. Ленина, рассказанный его сестрой А. И. Ульяновой-Блазновой:

«Остался у меня в памяти разговор с Володиёв о появившейся в ту зиму (1892—1893 года, — Ред.) в одном из журналов новой повести А. Чехова: «Павела № 6». Говорю о талантливости этого рассказа, о гениальном воплощении в нём жизни Володиёв вообще любил Чехова, — он определял всего лучше это впечатление следующими словами: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6».

Эпизод знаменательный, показывающий, с какой поразительной силой писатель создаёт атмосферу трагической бессмысленности, опустошённости, беспомощности людей, запертых в сумасшедшем доме. Глубоко символически и философски и имеет и другой знаменитый рассказ Чехова — «Чолок в футляре» (1898), где на нескольких страницах писатель создаёт образ пошляка-педагога, дорвавшего в постоянном трепете и страхе перед своим сослуживцем-педагогом, весь педагогический совет и даже весь город. Страх перед жизнью, скованность мысли, отсутствие драммы, вечная боязнь заперения — всё, что тормозило свободное развитие челове-

ческой личности в условиях бюрократиче-ской-самодержавной России, было схвачено и заперчено в фокусе этого короткого рассказа.

«Антон Чехов... сумел открыть в русском мире пошлость её трагически мрачные шутки», — говорил М. Горький. Лучшее его герои горячо и искренно тяготеют к правде, к правде своего поколения, к внутреннему протесту против жизненной и внутренней неустройства. Но трагедия этих благородных и глубоких людей в том, что порывы души и сил и они неуловимо визнут в тиски обязательности своего искусства».

Но Чехов не был равнодушным изображателем житейской прозы и обязательным фариисейством, ажи, пошлостью и произволом. Он не хотел стелени радость, вера в родной народ и надежда на будущее.

Русская литература до Чехова не знала такого обилия сюжетов, поочерёдных из жизни в самых разнообразных её проявлениях. Он не боялся показывать обыкновенное, будничное, знакомое всем. В это талант его был родственен Гоголю. Куда бы ни бросил Чехов свой взгляд, вездугде он открывал источник творчества.

Охватывая самые различные стороны русской быта конца XIX — начала XX столетия, Чехов в своих рассказах и средних незнакомых людей. Чехов возбуждал своими произведениями великие вопросы о правде и смысле жизни, о настоящем и будущем русского общества. «От произведения, от его веяло на душу жаром любви к человеку, стремлением обогатить его» (М. Горький). «Обилие героев своего рассказа, «Принадло», писатель обладал талантом художника, великодушным, тонким чужьём к боли и обиде за людей». Мы не ошибёмся, если скажем, что это творчество национальным духом было очень, очень русским! — сказала однажды Лев Толстой Чехову, обняв его.

Как живые встает перед нами со страниц его книг люди самых различных слоёв и сословий XIX—XX годов прошлаго века. В юмористических рассказах той поры Чехов живописал главным образом мешанский городской быт. Во втором периоде он углубился в жизнь и историю жизни широкого круга культурных людей среднего слоя. В ряде повестей: «Отцы», «Именины», «Принадло», «Скупная история», «Дуэль», «Три гола», «Моя жизнь» и других — он дал широкую картину нравов и вереницу типов, которые всегдывошла в нашу и мировую литературу. Тематический диапазон писателя неизменно ширился. Русская деревня — основная долина нашего отражения в рассказах «Мужики», «Убийство», «В овраге».

Когда в журнале «Жизнь» (1899) появилась рассказ «В овраге», молодой Горький выступил со статьёй в нижгородской газете, в которой он выразил своё глубокое впечатление творчества Чехова. «Каждый мой рассказ Чехова», — писала он, — всё усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас тему: борьбу и любви к жизни».

Горький же сам был влюблён в Чехове искусство до предельной степени тонкости, он считал, что никто не может писать так просто, как это умеет Чехов. «После самого лучшего таланта нашего рассказа», — писал Горький Антону Павловичу о впечатлении «Дамы с собачкой», — всё кажется грубым, написанным не пером, а точно лопатой. И главное, — всё кажется нечестно и неправдой».

Таким было великое искусство Чехова, заключённое им в малые формы. По глубине содержания, по мастерству и тонкости художественного анализа, по выразительности рисунка, по обилию образов и картин его короткие рассказы и повести стояли в одном ряду с капитальными произведениями русской и мировой классической литературы.

Завоевав симпатии русского общества, Чехов уже в 90-е годы стал «важнейшим лицом» и главным ласлаем молодых писате-

В области драматургии А. П. Чехов был таким же новатором, как в области прозы. Московскому Художественному театру

суждено было стать лучшим истолкователем творчества драматурга, оказавшей огромное влияние на развитие драматургии и на мировой репертуар. Именно Чехов-драматург был углублён и впервые представлен с поразительным искусством произведениями.

Само рождение театра, его развитие и все последующая славная деятельность неразрывно связаны с именем Чехова. На протяжении всего периода существования существования театра Чехов писал и рецензии на спектакли. «От Чехова из Ялта...» писала в кавказе «Чайка»: она прислала нам счастье и указала новые пути в нашем искусстве».

Какие же задачи ставил перед собой Чехов-драматург в зрелую пору творчества? Вернуть сцене живую психологию и простую речь, освобождаться от насоевной спешности речей и штампов. Он достиг этого теми же средствами, что и в своих повестях и рассказах, смело обняла классицизм и композиционные приёмы, развёртывала сцену в психологические драмы на бытовом фоне.

Чехов непрерывно рос как художник и мыслитель. Верой в лучшее будущее он овладел в последние дни жизни, особенно драмы последние дни жизни героев его пьес от Астрова («Идеи Ване») до Оалы («В трёх сёстрах») раскрывал нам, как восторженный и счастливый в будущем мире и всего человечества жила в душе Чехова.

«Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится зловрава, едальная буря и скоро случат с нашего общества великие перемены, которые выведут нас из «текущую скуку», — говорил он в беседах с влюблёнными лиц («В трёх сёстрах»). И так же влюблённо и решительно пророчил учитель. Писатель в рассказе «Новости» (1903), что базис, по которому строится наша жизнь на камне не останется от нас и мешанского города, что вырастут на месте его обязательности «чуждые сады, фонтаны, необикновенные и прекрасные белые люди». Но главное — это главное, — писал он, — человек «будет знать, для чего он живёт».

«Когда умрёт Чехов», — писала за несколько лет до его смерти М. Горький, — умрёт один из лучших друзей России, друг умный, беспристрастный, правдивый, — друг, любящий её, сострадающий ей во всём, и Россия всё дрожит от гора и доныне не забудет его, долго будет учиться почитать жизнь по его писаниям».

Глубокое и тонкое искусство величайшего мастера художественной прозы всегда было близко и дорого строителям нашего государства. В. И. Ленин и В. И. Сталин. В своих статьях и выступлениях Ленин не раз пользовался цитатами и образными произведениями Чехова.

Как высоко ценит творчество Антоны Павловича наш товарищ, рассказывающий в книге своих воспоминаний. Творчество социалистического труда А. С. Яковлев:

«Как-то, характеризуя какого-то работника, Сталин сравнил его с одним из чеховских персонажей в рассказе «Павела».

— Помните это место? — спросил он меня.

— Нет, не помню, товарищ Сталин!

— Неужели вы Чехова не читали?!

— Читал, всего Чехова несколько раз, а этот рассказ не помню.

— Есть вещи, которые запоминаются, и мне стало стыдно, а ведь я считал себя начитанным и культурным человеком».

В речи 6 ноября 1941 года товарищ Сталин в яру величайших представителей русской культуры, начиная Плеханова и Чернышевского, Ленина, Веинского, Гладкова, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, назвала и имя Антоны Павловича Чехова. «Антон Павлович Чехов — великий русский писатель, гуманный, патриот и гуманный художник, человек слова, сияющей мировой признания — гордость и слава нашего народа, нашей родины».

А. П. Чехов.

Портрет работы художника И. Э. БРАЗА (1898).

БРАТЯ ЧЕХОВЫ

1
Литература, посвященная описанию жизни и анализу творчества Чехова, велика. Десятки, если не сотни людей оставили нам свои личные воспоминания об Антоне Павловиче. О его детстве, годах юности и зрелом возрасте мы знаем немало. Но о некоторых чертах его биографии, в взглядах Чехова на воспитание, мы узнаем от него самого, из нескольких строк его частного письма. На тридцатом году своей жизни, уже завоевав известность в литературе, Чехов писал, обращаясь к одному из своих приятелей:

«Нашиптоска рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, идеологии поповских рук, поклонения чужим мыслям... — напишет, как этот молодой человек выдвигает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабацкая кровь, а настоящая человеческая...»

Эту упорную работу самовоспитания вёл и сам Чехов, искореняя в себе, в своей семье, в своих взглядах и навыках, осадки воспитания в помещичьей семье. И эта работа, эта борьба, прошла через всю жизнь Чехова и через всё его творчество. Когда он в бесконечной цепи своих произведений, начиная с написанного в студенческие годы крошечного рассказа «Смерть чиновника» и кончая последним своим произведением «Невеста», закончил за несколько месяцев до смерти, изображал с этической наемностью, то с горем, то с злостью и безразличием разного рода жалких обывателей, вслепую пытаясь ухватиться в себе и в других человеческое достоинство, то вставал же борьба с рабством. Подлачивало, чванство, угодушничество, хамелеонство, пресмыкательство, запятая трусость, надменность, грубость, пошлость, ограниченность интересов — всё это и многое другое, что не устала клеймить Чехов, — различные маски одного и того же зла — рабства и духовного мечтанья.

2

Вся эта борьба Чехов и в своей собственной семье. Соответствующие материнские его биографии представляют совершенно исключительный интерес, рисуя одновременно и атмосферу, в которой воспитался будущий писатель, и тот процесс «выдавливания по каплям раба», о котором он говорит в приведенных выше строках.

Уже первое письмо Чехова, которое мы знаем, написанное шестиклассником Антоной в ответ своему младшему брату Михаилу поразительно для шестнадцатилетнего мальчика зрелостью и резкостью ставит центральные для всей жизни и творчества Чехова вопросы о человеческом достоинстве. «Почерк у тебя хорош... пишешь он... и во всем письме не найдешь у тебя ни единой грамматической ошибки. Но нравится мне одно: зачем ты величаешь особу свою чинчиным и незаметным братишкой. Ничтожество своё создаешь! Не всем, брат, Мишам надо быть величавым. Ничтожество своё сознавай, зная где? Перед богом, пожалуй, пред богом, красотою, природою, и перед людьми. Среди людей нужно сознавать своё достоинство. Ведь ты не мошенник, честный человек? Ну и уважай в себе честность только и знай, что честный мальчик не ничтожество!»

Здесь прекрасный урок уважения чело-

веческого достоинства даёт старший брат младшему. Но такой же урок дан был гимназистом Антоном своему старшему брату, студенту Александру. В январе 1883 года, поздравляя в письме Антона Павловича с рождением и именинами, Александр, между прочим, вспоминает, как десять лет назад Антог, учившийся в Таганроге, приехал на праздники к семье в Москву: «Помню, как мы вместе шли, как жели, по Замосквор... Я был в цилиндре и стараясь как можно больше, будучи студентом, вымолить в твоих глазах. Для меня было по тогдашнему возрасту важно ознаменовать себя чем-нибудь перьями твоими. Я вымуча как-то старухе прямо в лицо. Но это не произвело на тебя того впечатления, какого и жаль. Эту постылку переживай в твоих глазах. Ты слезливым упрямством своим упрямством упрямствами. Ты всё ещё такой же ашара (бездельник, хулиган), как и был».

По поводу этого «слезливого упрямства» Александр Чехов добавляет: «Я не понял тогда и принял это за похвалу». Это замечание свидетельствует как о культурном уровне Александра, так и о том, что гимназист Антог уже его перерос. Совершенно неосомненно, что в нём уже происходила та работа самовоспитания и самовосстановления, о которой мы говорим выше. В скором времени судьба поставила его в положение морального руководителя всей семьи, и тут это обнаружилось с полной ясностью.

В 1879 году, окончив гимназию в Таганроге, он переехал в Москву и поступил в университет. К тому времени отец его, человек крутого нрава и сильной воли, но до мозга костей помещик, определявший весь строй жизни семьи, фактически отделился от неё и долой являлся только на праздники. Брат Александр также прожил вдалеке. Десятинадцатилетний студент-первокурсник Антог сделался главой большой семьи, несмышлявшей, нуждающейся материальной нужду.

Его младший брат, Михаил, в противоположность старшему Александру, в своих воспоминаниях всегда склонен был несколько умалчивать о тёмных сторонах в укладе чеховской семьи. Тем не менее он в таких выражениях характеризует порочную, которая процветала, когда Антог Павлович смонял отца в роли главы: «Воля Антога делалась доминирующей. В нашей семье появились друг неизвестные мне дотом резкие, отрицательные замечания: «Это неправда», «Нужно быть справедливым», «Не надо агать» и т. д.

Здесь уже наметились те основные моральные принципы Чехова, которым он остался верен до конца своей жизни, которые прошли красной нитью через всё его творчество, наложив на него отпечаток исключительной ясности, чистоты, и придал им свойственной писателю отпоряющую обязательность. Отвержение алжи и насилия, стремление к правде и справедливости в области человеческих отношений — вот те принципы, которыми руководился Чехов.

Антон Павлович (слева) и Николай Павлович Чеховы, 1883 год.

3

Сохранившиеся письма Антога Павловича к братьям являются поистине драгоценным материалом при изучении этических воззрений великого писателя, особенно письма к старшим братьям — Николаю и Александру.

Николай Чехов был художник, одарённый громадным талантом. Но беспорочной жизни, привычки ботемской среды, привитые ему с юности, и самохарактерности помешали этому таланту развернуться во всю ширь, а чехотка оборвала его жизнь на тридцатом году. Антог Павлович любил его едва ли не больше всех других братьев и глубоко скорбел, наблюдая, как он легко обивается в пути. В 1888 году он обратился к нему с замечательным письмом, в котором писал:

«Все твои хорошие качества я знаю, как свои пять пальцев, цену их и отношусь к ним с самым глубоким уважением... Ты добр до трепачности, великоуважаем, не эгоист, подавшийся последней копеечкой, искреннен ты чужды зависти и ненависти, простодушен, жалевашь людей и животных, не ехиден, не запямятен, доверчив... Ты одарён свыше тем, чего нет у других у тебя таланты. Недостаток же у тебя только один... Это — твоё крайнее невоспитанность... Чтобы почувствовать себя в своей тарелке в интеллигентной среде... нужно быть известным образом воспитанным... Талант заше тебе в эту среду, ты принадлежишь ей, но... тебе тягнет от неё... Сказываешь плоть помещанка, выросшая на розах у рейнскового погребца да по палачам. Победить её трудно, опасно трудно».

И даже Чехов развёртывает по пунктам некую программу условий, которым должны удовлетворять воспитанные люди. Приводим её с сокращениями:

«1. Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, милки, великодушны, уступчивы...»

2. Они сострадают всем, но к одним только нищим и кохам. Они бывают душой и от того, чего не увидишь простым глазом... Они нечужды ни спит, чтобы... падать за братьев-студентов, одевать мать.

3. Они уважают чужую собственность, а потому платят долги.

4. Они чистосердечны и боятся ажи, как огня. Не агут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и ошелоляет в его глазах говорильню. Они не рисуются, держат себя на улице так же, как дома, не пускают пыля в глаза меньшей братии. Они не болтаются и не лезут осквернениями, когда их не спрашивают... Из уважения к чужим ушам они часе молчат.

5. Они не унижают себя с твою целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтоб в ответ им vzdыканы и нынчали с ними. Они не говорят: «Меня не понимают!» или «Я разменялся на медную монету!» — потому что всё это бьёт на дешёвый эффект, пошало, старо, фальшиво...

6. Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомства с знаменитостями... Они смеются над фразой: «Я представлятель печати!»... Делая на грощ, они не носят с собой пилки на сто рублей и не хвастают тем, что их пустили туда, куда других не пустили... Истинные таланты всегда сидят в потёмках, в тайне...

7. Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женскими, вином, суетой... Они горды своим талантом...

8. Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене иеши с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по обшарпанному полу, питаться из керосинки. Они не трескают поклоя водку... но знают, что они не свиньи. Пьют они только, когда свободны, при случае. Ибо им нужна пелс шап in согоро сапо (здоровая душа в здоровом теле).

И т. д. Таковы воспитанные... Чтобы воспитаться... не достаточно просто только читать книги и вылизывать морозог из Фаусты... Тут нужны беспрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штурмовка, воля. Тут горюг каждый час...

А. П. Чехов и Л. Н. Толстой. 1901 год.

Слажен был отношения у Чехова с самыми старшим из братьев — Александром.

Как почти все члены семьи Чеховых, он обладал литературным талантом, чувством юмора и вступил на литературное поприще несколькими годами раньше, чем Павел Павлович, оказав поддержку будущему творцу «Паулы № 6», «Мужиков» и «Винищево сада», когда тот делал свои первые литературные шаги. Ещё будучи гимназистом и живя в Таганроге, Антон Павлович отсылала разную юмористическую мелочь своему брату в Москву, который делал попытки пристроить эти вещица в той юмористической прессе, в которую он уже старательно подписывавший свои мелочи, как и Антон Павлович, разными псевдонимами: Атафод из Единичны, Алоз, Селой и т. д. На это литературное старшинство намекает один из псевдонимов Антона Павловича: рид его вещица напечатан под псевдонимом «Брат моего брата». Это надо было понимать в том смысле, что подлинный автор — это Александр Чехов, а он, скромный Антон, — лишь «брат своего брата».

Так начинала свою литературную карьеру эти два А. П. Чехова — оба молодые, оба талантливые, оба писатели. Их зногда даже путали на первых порах... И так мало сходства сохранилось между ними в конце их жизненного пути! Они и сонда в мотулях, проводивших субботней печалью миллионам остротелых читателей, для которых он был не только общепризнанный могучий художник, но сломно и родной человек, ирзыритель их внутреннего мира, их упований, стремлений и надежд.

А старший Чехов, переживший Антона Павловича почти на десять лет, умер со трудником «Возмостой Геттербурго греданочельста» газеты, издававшейся для столичных унтервор Пршибивеых.

Причины столь трагического отяжения литературной судьбы Александра Чехова заключаются не только в его несомненно меньшей одачливости, но также и в том, что он не сумел преодолеть в себе мечтательность. Антон Павлович, выйдя из затхлой среды мещанства, не прекращал борьбы с ним до последних дней своей жизни. Беспокойное разоблачение, неустанное преследование и излительное клеймение мещанской пошлости прощали через всё его творчество. И в этой борьбе неуклонно расширялся его кругозор, обострялась наблюдательность и крепло здоровье. Писатель отряхнул с себя следы мизерной мещанской жизни, воспарил над ней и, подымаясь всё выше и выше, быстро достиг истинного величия не только как художник, но и как редкой духовной красоты человек.

А его старший брат уже с молодости клялся в мещанстве и стремился только к тому, чтобы сделать её полюбившей, покомфортабельней, чтоб её приукрашить. Смешные стороны мещанской психологии, ме-

щанского быта он воспринял, а впрочем быта позабывавшись над ними а нещрочь очерка и в переписке с братьями. Но дальше поверхности явлений это не шло, потому что идеалы самого Александра Павловича были чужды мещанскому, оубавельскому. Влюбок он уже с юных лет стал привержен к вину, и позднее это перешло в склонность к диким запоям. Мало-помалу он совершенно опустился, и стал уже нечеловеком.

Когда братья были молоды, между ними происходила интереснейшая переписка. Но параллельно тому, как тускла талант Александра Павловича, тускла и переписка с Антоном Павловичем. Из неё постепенно уходил живой обмен мыслями, наблюдениями, замислами, литературных мнений и советов. Помню, однажды Александр сообщил Антону Павловичу время от времени посылала брату многоголосные и бессодержательные рассуждения о том, о чём или длиннейшие жалобы на свою судьбу, попутая в ответ чистую риторическую, краткую, шуточно грустные письма. Антон Павлович давно уже понял, что для брата, некогда влюбленного его в литературу, песенка спела, и лишь изредка вступал в диалог с ним, чтобы напомнить о том, что страстным брату опасность прижизненного духовного умирания.

Ничко мы приводим выдержки из двух писем Антона Павловича к Александру. Первое относится к ранней поре их переписки, когда Антон Павлович уже подметил признаки этой сутелности в литературных отзывах брата, приобретавших оубавельский характер, но всё ещё верил, что Александр найдёт в себе силу преодолеть внутреннего мещанина. Второе относится к позднему и относится к разбору тех писем-примызов, о которых только что было сказано.

«Весь ты остроумен, — напоминал Антон Павлович брату, — ты художник и писатель. Во твоём письме, в котором ты описываешь моеба на полях, была а бог, простота бы а тебе все твои согрешения волные и невольные... Ты не рожден субъективно позднею и относится к разбору а, а благоприобретённо... Стрелься от благоприобретённой субъективности легко, как ничья лать... Стоит быть только поестней: выставляешь себя за нечеловека, но совать себя в героя своего романа, отрешься от себя хоть на ¼ часа. Есть у тебя рассказ, где молодые свурты весь обел целуются, ноют, толкут воу! Ни одного дального слова, а одно только б а а у и у ш и е! А писал ты не для читателя. Писала, потому что тебе приятно эа болтовня. А оинши ты обел, как ели, что ели, какя кушарка, как лона твоя герой, доваый инном единим смешем, как пошла твоа героиня, как она смешна в своей любви к этому, подвызанному сафеткоу, етому, обещуемому гусу... Вьсь об адиш, что тебе вьсь смешно, вьсь пошлост и неспирни, чтение твои произведения, а будь ты немцем, ты ила бы даром пиво во всех биргаках, где торгуют немки».

5

Весь письмо отгелено от первого шестиминутного промежутку, но какая разница в их тоне и характере! В первом чувствется зрябая вера Чехова в успешность борьбы брата с соблазнами мещанщины, во втором — ниот Антон Павлович ещё признает Александру удержаться от скопления по наклонной плоскости, но ясно ощущается почти полное а глубокой печалью, созвоние безысходности этих примызов... Речь идёт здесь о строе семейной жизни брата и, в частности, об его обращении с женой Натальей Александровной, детьми и прокутом, — пишет Антон Павлович, — мы выдваса и расстеласа, как будто между нами произошло недоразумение. Я не тебе не шути сериальна рехса сериальна, вьсь я и ты теперь перел тобой. В первое же моё посещение меня оторвало от тебя твоё у а с

дое, ни с чем не сообразное обращение с Н. А. и кухаркой. Прости меня великодуш-но, но так обращаться с женщинами, како-вы бы они ни были, не достойно порядоч-ного и любящего человека. Какое же пошлая или земная власть дала тебе право думать из них своих рабынь? Поголосные дуга-телиса самого низменного сорта, возни-щения голоса, попреси, капризы за завтра-ком и обедом, лачные жалобы на кашу, которую и труд анафемский—равно всё это не есть выражение грубого деспоти-зма! Как бы вычуждена и виновата ни была женщина, как бы близка она ни стояла к тебе, ты не имеешь права сидеть в её присутствии без штанов, быть в её присут-ствии пьяным, говорить слюеса, которых не говорят даже фабричные, когда выдают колао себя женщину. Прямиче и воспитан-ность ты почитаешь предрассудками, но надо ведь шадить ,хоть что-нибудь, хоть женскую слабость и детей— шадить хоть позорю жизни, если с прозой уже по-кончено... Ночью мужья спят с женами, собаждая всякое прамиче в тоне и манере, а утром они спешат налет гласу, чтобы не оскорбить женщину своим не-прямичем видом, спрячь небрежность костюма. Это келантично, но имеет в осно-ве нечто такое, что ты поймешь, буде вспоминая с том, какую страшную воспита-тельную роль играют в жизни человека обстановка и мелочи...

Дети святые и чистые. Даже у разбойни-ков и крокодолов они состоят в ангель-ском чине... Нельзя безнаказанно похаба-ничать в их присутствии, оскорблять при-слу, или говорить со злобой Наталье Александровне: «Убирайся ты от меня ко всем чертям Я тебя не держу! Нельзя делать их изуродкой своего настроения; то нежно облизать, то бешено топтать на них ногами. Лучше не любить, чем люб-вить деспотической любовью... Нельзя упоминать имена детей вето, а у любой ма-мочера венскую копелку, какую ты даешь или хочешь дать другому, называть так: «отнимать у детей... Воальничество жиньёт для семьи, но редко кто осмеливается гово-рить себе это в расулу... Надо не уважать детей, не уважать их святости, чтобы бу-дущи снытм, одетым, ежедневно навеселе, и в то же время говорить, что всё с зарбо-ток уходит только на детей Полю!»

Я прошу тебя вспомнить, что деспотизм и ложь губили молодость твоей матери. Деспотизм и ложь исковеркали наше дет-ство до такой степени, что тошно и отвращение, какие мы чувствовали во время оно, когда отец за обедом поднимал бутылку из-за переселенного супа или ругал мать душой. Отец теперь никак не может простить себе всего этого.

Деспотизм преступил границы... Для тебя не секрет, что любеса одряблил тебя тем, чего нету в 90 или 100 лет любви: это безразлич-ное отношение великодушн и нежен. Поэтому с тобой и спрсится в 100 раз больше. К то-му же ещё ты универсальный человек и считаешься журналистом...

...вступалась, как умная и советь моя чиста. Будь великодушн и считай недо-разумение похоченным...

Этот страстный и благородный призыв остался гласом возмущенного в пустыне.

6

Низши словно с умыслом поставила ря-дом Александра и Антона Чеховых, чтобы продемонстрировать всю безразлич-ность человеческих возможностей и весь трагизм пренебрежения к ним. Перед жи-ми обоями, столь сходными во многом между собой, судьба воздвигла один из по-чтеннейших и развитых тех природных богатств, какими они были одарены, И, в то время как один из них отдался во власть жадным соблазнам своей среды, по-звонил заложиться своим дарованиям и и-ка, другой упорным трудом преодолоа влияние мещанства, достиг вершин духов-ного развития и стал гордостью, славою и украшением своей страны и народа.

КОЛОДЦЫ ЛЮБИТЕЛЕВ

После освобождения Яны первыми восте-пели Иван-Курья А. И. Чехова были бойцы красной Армии. Описанные черновисными ветрами, пыряные ильды красных лопот, белые русские волны в заветной доли, где война и творил великий русский писатель. Он впринципе свел с заветной болы и страде, а-жизно и здесь всё раслиново и расито? По-сестру Николаю бодом домике она встретил в маленьком бодом домике Чехова, эта девушка, которой пошел уже восьмой десяток, судясь отстоять чеховскую величавую тишу, но шевели немецких акультуртрегеров...

Редкие атлаж чеховского дома, в которых всё равночает о писателе, о его работе, со-хранены в невзрачности. И вот впаляете на некролю фотографии. Это бодом-селатовальцы в рабочем кабинете Чехова. С благоговением осваиваеую она стои писе-теса. Этой вид тинным, заставив ах и в ка-жестве гениального художника слова, послужит им источник писателю кивановати ты же, как пробудил он не раз вдохновение в сердце писателя.

Различные выходы бойли и офицеры из дома Чехова. Перед уходом они задерживались в парке, и один бланый солдат говорит ду-гому:

А выспит, что это за сумасшед? Это, брат, не просто сумасшед, а стариковские. На шей Максим Горький, присаживая в посты к Чехову, аиола сидеть с как ядобию и бес-довать...

И бойли с любовью глядят на склепике, представляя себе высоту Гурько Горького и Чехова, с острой бородой, в неизменном венчике...

Александр Прокофьев

ПЕСНЯ

То веселая и светлая,
То грустная,
Широка ты, глубока ты,
Песня русская!

Ты летела странной раздольной,
И тебе дано
Промчти на крыльях вольных
Гром Бородино,

Ветер нашей русской славы,
Взвнятый за Днепром,
Свет неизмеркуй Полтавы,
Измайла гром!

Дальше ярко, как зарины,
Навеки веков
Встали Киев и Царьцин,
Дни и Перекоп!

Над лесами и полями
Радуй и томи,
Над советскими краями,
Русская, греми!

Лучше нет тебя на свете,
Всем ты хороша,
Песня, колыбель, как ветер,
Русская душа!

★

Александр Яшин

ДЕСАНТ

Осталось до рассвета
Два часа или пять! —
Кто бы мог сказать,
Спрятав с берега, ракета
Поднялась опять.

А до смерти час или много,
Час или много лет?
И спокойные нет,
Нескользящей тревоги
В каждом сердце след.

Но простой часок похода
Выпрыгнет издох,
Смешен дедок смех,
Только вредная погода
Выдалась на грех.

Месас, сплано дурень, светал,
Вышла вынды,
Завды заложены,
И кому светила эти
В час такой шумный!

Не стоните, не сидите,
Мноста корабли.
Вражий порт удалы,
Надо с боом ухватиться
За клочок земли.

Принимайте полота
Через высоту —
Томе не свету! —
Разавообая работа
Заклинт в порту...

Не до смерти злого срока —
Время до врага,
Мили до врага,
Исчислят штурман строго,
Видя берега...

Антоша

Антоша Чехонте, брат моего брата, Человек без селезенки. Этими псевдонимами молодой Чехов подписывал короткие рассказы, смешные фелетоны, пародии, забавные анекдоты, которые он печатал в из-

даче своей литературной деятельности в юмористическом журнале. Никто ни приводит с некоторыми сокращениями несколько юмористических миниатур А. П. Чехова.

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА

(Покушающийся на самоубийство)

Жизнь прекрасная штука, но сделать её прекрасной очень трудно. Для этого надо достаточно выиграть 200.000, получить Белого Орла, жениться на коршениной, просидеть благочермерным — все эти дела трудны и поддаются привычке. Для того, чтобы очусть в себе счастье без перья, даже в минуты скорби и печали, нужен: а) умей довольствоваться настоящим; б) разделиться сознанием; что «могло бы быть и хуже». А это трудно!

Когда у тебя в кармане загорается свечка, то радуйся и благодари Небо, что тебя в кармане не пороховой погреб.

Когда к тебе на дачу приезжают родственники, то не ближней, а торжественей: «Хорошо, что ты не гороходе!»

Когда в твоей пальце пощипывает заноза, радуйся: «Хорошо, что не а гризли!»

Если твой жена или союзынка имеет гамма, то не выходи из себя, а находи себе место от радости, что ты слушаешь игру, а не вой шакалов или кошачий концерт.

Радуйся, что ты не лопался конюхелезю, не кокашовка «запята», не тримина, не свинья, не осёл, не медведь, которого водят чигане, не клоп...

«Если у тебя болят один зуб, то думай, что у тебя болят не все зубы...»

«Когда ведут тебя в участок, то прыгай от восторга, что тебя ведут не в госину или тюрьму...»

«И так далее... Последней, человек, моему совету и жизнью твоим состоять из сплошного лживания.

Человек без селезенки

ПИСЬМО К РЕПОРТЕРУ

М. П. Моей известной Па этой недели было шесть больших и четыре маленьких порока: Загорелась малой мальчик от влюбленной любви и одной девине, эта же девина, узнав о его смерти, поплакала, и плакала. Попалился дьяволик Гусак от нездорового приворота. Похудела беременная киска льва с двумя наседниками и маленьким дитём... Белое дитё в Австралии какочуча книгу пролетел на спине льва и чуть не за сломан. Набавился мятёрник от влюблённого жуликов, и произошло кражеворничество товарного поезда. Всё мне известно, маленький гусак! Столько разных приятных случаев, столько дел, а до меня не на коней! Эти хорошие госеда не делают!

Ваш портной ЗМИРЛОВ

Человек без селезенки

DIE RUSSISCHE NATUR*

Один честный, но глупый немец, патриот и большой любитель всего природного, раскрыв однажды какому-то русскому князю и на стр. 83 прочёл следующие: «Был вечер... Солнце зашло и обливалось золотистым пурпуром землю. Лёгкий зефир нежно колыхал спящую рощу. В воздухе стоял вечерний концерт... Пела птица... В снегах неба в синем и голубоватом изморюнок и щебетал свою звеную песню. В траве трещала и у неё в чине, и тучки слыно однокорнезную песню скрипачи... На листьях, сверкавших росой, ползали божьи кроовки... С цветка на цветок порхали чудные 6 а б ч и к и... Это поэтическое описание произвело сильное впечатление на любителя всего природного... Глубоко задуман, он взял в руки немецко-русский словарь и занялся переводом... Перевод вышел точный, буквальный, как всё немецкое... Честный патриот, однако, не довольствовался одним переводом. Он ещё раз задумался, взял в руки карандаш и создал... Создал, он выпил глоток... Его создание и предлагаю на рассмотрение полковников хорошей милиции...

А. Чехонта

* Русская природа.

Рис. И. Чехова.

Надул

(Очень древний анекдот)

Во время оло в Англии преступники, присуждённые к смертной казни, пользовались правом при жизни продать свои органы анатомам и физиологам. Вырученные таким образом деньги они отдавали своим семьям или же прощали. Один из них, угнетённый в ужасом преступлением, пошёл к себе учёного модика и, одолев поговорившись с ним, продал ему собственную особу за две сены. Но, получивши деньги, он вдруг привился хотота...

«Что вы смеётесь? — удивился модик. — Вы купили меня как человека, который должен быть пошеен, — сказал, хохоча, преступник, — но я надул вас! Я буду сожжён Ха-ха!

Человек без селезенки

ПЕРЕПУТАННЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

О предвещающих объявлениях. Ни случился на прилавкех издательская свадья, не именная, впрочем, обещания выности и не предостережения законам: явился набрав их и собрав в гравю, в которых явился, и выности. Гривы смирилась и выпутанная, не именная, впрочем, обещания свадья, и выности что поучилось в тещину;

«Самый лучший дворян нечет места гураранья. Пестры и Зеня Д. И. Пальмана с профессорией коловат рослых и знаковых о кончине гурар и отец своего камер-юнкера А. К. Пустовалова.

О дозволениях называться себелавульщиком. Суп и Зеня Д. И. Пальмана с профессорией коловат рослых и знаковых о кончине гурар и отец своего камер-юнкера А. К. Пустовалова.

Обещания наследства «Самый лучший дворян нечет места гураранья. Пестры и Зеня Д. И. Пальмана с профессорией коловат рослых и знаковых о кончине гурар и отец своего камер-юнкера А. К. Пустовалова.

Конкурсное отделение на педagogическом институте. Князьчлов вродит за невозможности сего же дела.

Но случившейся нехватки зубной врач Братекер устанавливает зубья. Павловский семипятидесятилетнему, выдвинулось в родничковом положении, предлагает интентивней публике белые и привлекательные, и ливияны в разноеобразованья немца.

О тего февраля будет издана первая часть предвещения чинау актера Дилана. Вспомни поддана строго предупреждения законов.

Человек без селезенки

УРОЗА

У одного берина украли лапшу. На другой же день во всех газетах было напечатано следующее объявление: «Если догадае не будет мне вознаграждение, то необходимо заставить меня прибегнуть к тем крайним мерам, к которым когда-то в подобном же случае прибег мой отец». Угроза подействовала. Нор, не зная, чего бояться, не предполагая нечто необыкновенно странное, испугался и тайком изложил догаду. Барин, обрадованный таким исходом, дела, привязавшись своим приятелем, что он очень ставил тем, что ему полагалось, послал его, по примеру своего отца.

«Что же, однако, сделал ваш отец?» — спросил его.

«Вы спрашиваете, что сделал мой отец? Нисколько, я вам скажу... Когда на постоялом дворе у него украли лошади, он надел седло себе на спину и вернулся домой пешком... Клянусь, я сделал бы то же самое, если бы вор не был так добр и обявзатель!»

Человек без селезенки

ЗАДАЧИ СУМАСШЕДШЕГО МАТЕМАТИКА

1) За три года гнали 30 собак, из которых 7 были белые, в серые, а остальные чёрные. Сравнительно, за каждую неделю убивали семь собак, за первую или другую.

2) Антониус родился в 223 году, а умер в том же году, как и прожил 84 года. Половину жизни провёл он и путешествиями, треть жизни протратил на удомствования. Сколько стоил фунт гвоздей и был ли дешир Антониус?

3) Под новым тоном на массиве Большого театра было выведено 200 человек на драку. Если дрались бы по двести, то сколько было быраниликов, ивнх, свеча гильотин и жованьян, но не находившихся случаев добаряться?

4) Что получится по сложению сии чисел?

5) Куплено было 20 пудов чина, в каждом пуде было по 3 фунта, каждый пуд имел 40 фунтов. На ливне, в каждом пуде, для пали и 10 фунтов расхвасался, фунт имел 96 фунтов. Сколько чина куплено, какая разница между огрученным расходом и недоумением?

Сообщил Антоша Чехонта

Продвигатель колхоза «Новая жизнь», бывший партизан Егор Семёнич, между долами облема в Москве книжные лавки. В одной из них встретил старого приятеля Букнина, разговорился с Егором Семёничем.

— Так вы, значит, поехали два комплекта сочинения Чехова? — Да, да. Обязательно два. — Это что ж, для библиотечки?

— Конечно, действительно, два библиотечки, а другой — писательскому брату. Букнинет не понял: — Какому брату? — Да, собственному чеховскому брату — Сергею Павловичу. Букнинет удивленно переспросил: — Какому Сергею Павловичу? У Чехова брата Сергея никогда не было.

Егор Семёнич всё пообтормошил.

— Да что ты, мил-человек? Я с Сергеем Павловичем как с тобой разговаривал, вместе делились месячной прожаркой. Да у меня даже и книжка есть, сочинения Чехова. Сам Сергей Павлович на этой книге выписал: «Дорожнику партизанскому другу Егору от Антоны и Сергея Павловичей на братскую память о битвах, где вместе рубились мы, Саово в слово пошло. На братскую память». Это понимать надо!

Букнинет теперь уже совершенно ничего не понимал, и его развело абсолютство. Время было обильное, он выписал на двести табличку «Перерыв на обед» и предложил Егору Семёничу расписать с ним чехлы и раскрасить наклейку.

Егор Семёнич рад был случаю немного отдохнуть, усталость бужиниста душистой мажор, сверху сел партизанский маршар, вымарал традиционной со старинную свечку, и бужинист услышал партизанскую легенду об учителе Сергее Павловиче, медикском брате писателя Чехова.

«...Когда ушли части Красной Армии, Сергей Павлович остался в городе; в его школе была оставленный партизан, действовавших в этом районе. Однако немцы вскоре почували немалое, утомившаяся за учителя сажку и ему пришлось скрыться в лес.

У партизан Сергей Павловичу поручили оказывать большую медицинскую помощь. На боевые дела его не посылали, полагая, что они ему не под силу.

Сергей Павлович был являлся в настоящее, боевой работе. «Я, горев, не князевская кри-са. Я, горев, да университетского оковит; медицинский и уево-ебский».

В конце концов он добился успеха. Но на первой же операции с ним приключилась конфуз: в самый напряжённый момент, в засаде, учитель чихнул и едва не сорвала всю операцию.

Сергей Павлович извинился перед товарищем, извинился мол., — это закон природы, как говорится у Чехова чиновник Червяков. И Сергей Павлович рассказывал бойцам, как подобный случай с князьем довел

Рассказ

чиновника Червякова до смерти. Рассказывал он мастерами, представляла в лицах и пострадавшего генерала, на чью голову мечали чихнуть чиновник Червяков, и самого чиновника, жалкого и забитого. Партизаны слушали со вниманием и не врончили ни одного слова.

— Что, это ты сам выдумал? — Нет, это сочинил писатель Чехов, Антон Павлович. Я чител в тогах и много из того, что описал Антон Павлович, пережил сам, за себе почувствовал. Да меня Чехов не просто писатель, а самый близкий, можно сказать, родной человек.

В тот вечер по просьбе партизан Сергей Павлович раскрасил несколько чеховских историй — грустных и смешных. И про Ваньку Жукова, что писал письмо на деревню дедушке, и про мальчугана, что валил хозьякого ребёнка, который мешал ей спать, и про опашиную фамилию, и про попейского назидателя Отушкова, который никак не мог отгадать, чья это собачка укусила мастеравого — генеральского или дворяна.

С этого, собственно, всё и началось. Сергей Павлович был носиком на чеховские рассказы. Знал он их несметное количество, выкапывал без записки историю. Быть может, потому и пошёл среди партизан слух, что Сергей Павлович — брат самого Антоны Павловича.

Как-то отряд пошёл в окружение. Кольцо сжималось. Продукты, даже из фонда «НЗ», были на исходе; партизаны перешли на голодный паёк. В эти тяжёлые дни Сергей Павлович, отставший и ещё более немощный, развивал энергичную деятельность по замене грубой пищи духовной.

В один из таких стужбо постных дней неутомимый Сергей Павлович начал было читать новенький партизанский рассказ «Сиреню»: «После одного из заседаний Н-ского мирового съезда судья собрался в социальную комнату, чтобы сменить свои мунирмы, минуя отдохнуть и ехать домой обеды...»

Но только провисел он эту первую фразу, как занюхал:

— Извините, товарищи, но дальше я забыл. Как-нибудь в другое, лучшее время вспомню и расскажу.

Ничего подобного с учителем никогда не случалось, и партизаны не настаивали, решив про себя, что с этой историей у Сергея Павловича связаны какие-то неприятные воспоминания.

Вскоре отряд вырвался из немецкого кольца и овладел с другими партизанскими соединениями и разгромил крупный немецкий гарнизон. В этой операции партизаны основательно пополнили свои запасы продовольствием: колодные дни окружения казались теперь далёкими.

И вот как-то носая сытного и питательного ужина Сергей Павлович прочитал товарищам чеховскую «Сиреню» — рассказ о том, как члены суда в ожидании пока рассудят, изложил своё особое мнение, предельно сладостным мечтанием о любимых кушаньях.

Когда Сергей Павлович закончил, один из партизан уямбунался:

— Теперь мне понятно, почему вы забыли эту историю, когда мы были в окружении. Не во времени был тогда этот рассказ, даже вредный на голодный желудок...

— Егор Семёнич вынул кресло и завернул новую гигантскую скрутку.

— Так мы и стали называть нашего учителя «доктор Чехов».

А один раз по чеховскому рецепту поймали крупного геттопанца. Вот как это вышло. Пошёл как Митячка Усовский (отчаянный паёк перен) на задание. Замаскировался и стал ждать.

Видим, пылат по дороге мотоцикл. В холмике развалился немец в больших очках, а позади шифера, на багажнике сидит верзила и держит громадную корову.

Вскочил жарко, дорога пла мимо речки, и фрицм зачалохо выключать. Разделась они, сложили одежку и оружие в колыску, под при-смор шифера, и полезли в воду.

Я взял на себя шифера, а Митячка — кувальдинок. Да я оверёк — как намаз поделай.

Шифера, видно, легко ранила в ногу. Только его и видел. Былши мы из-за него, руки на кулакишних автоматах: — Хейда хо! Руки вверх! Вайяйте до берега!

Фрица в том месте глумоава: ошши немцы, вешнуга, руки вверх, не удержался, захлебнулся и с полдатыми руками пошёл ко дну. Другой поумней был, кричал: «Изюлоск сил кату!» и плывёт в брод.

Вышел он на берег, маленький, вертлявый, дрожит маелкой дрожью и всё одно бормочет: «кашту, кашту».

— И без тебя знаем, — говорю я, — что капут, а ты, фриц, не травь время попусту, обдавай. Но лето силнее обдавай, когда никакой одежки у фрица нет: была да спалма с мотоциклом. Тут мы заметили корычку, что фрицы оставили на земле.

— Это футляр скрипки, контрабасом называется, — начала было объяснять мне Митячка.

— А я ему: — Сами грамотные.

— Не до спору было, раскрасил дробя. А там награбленного фрица не перечест. Немед триблси и ополочет чето-то по-воуму.

— Ницх, ницх, — мол, я и я, и ашшея не мол.

— А это мы в штабе разберём: «Ницх! нам не ницх».

Теперь задача: как фрица в штаб доставить? Нагнимо, что лан! Картина для глаз не особенно приятная.

— Да, — соглашается Митячка, — картина, достойная кисти Айвазовского, как сказано у Чехова.

И только он это прозвонил, как халионет себя по лбу:

— Поминиш, говорит, Сергей Павлич рассказывал нам чеховскую историю «Сиреню» контрабасом, как у одного музыканта да у хозяйке дочки воры утащили одежку на берег. Как тот музыкант воню хозяйскую дочку? В футляре изпод контрабаса, что был при нём!

Дого мы не совеннались. Поутину по рецепту доктора Чехова. Утешил как-как веци, взыснул туда фрица, блиато он был небольшого объёма, и ковал.

Пришам в штаб. Бойни на нас смогрот: чего это мы прищипай! А мы к командирю:

— Так и так, эдак, выполнено. «Личик» доставлен.

Раскрышем футляр, а немец в нём уж задыхаться стал, да от страха кое-какие вешички переронял. А через два дня была развалка домысла, что поймали мы важную птицу.

«Обещанный перерыв закончился. В авку стучались покупатели. Старый Букнинет, по собственному призыву, вешный обуюку на всевозможных историях, забла обо всем и точно зачарованный слушала ледяную вейкой силе вейкого искусства».

Процалась с Егором Семёничем, Букнинет пролом его зайти вечером к нему дому. В этот вечер, в таком случаю отдам из личного «НЗ» своего Чехова. И будут у вас два полных бовских комплекта: и вы, и чеховскому брату — Сергею Павловичу.

МЫСЛИ ЧЕХОВА

В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли.

(«Дядя Ваня».)

Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его достояние.

(«Три сестры».)

Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли... Но ведь три аршина нужны трупу, а не человеку. Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойство и особенности своего свободного духа.

(«Крыжовник».)

Вера есть способность духа. Она всё равно, что талант, с ней надо родиться... Эта способность присуща русским людям в высочайшей степени. Русская жизнь представляет из себя непрерывный ряд верований и увлечений, а верия и отрицания она ещё, если желаете знать, и не нюхала. Если русский человек не верит в бога, то это значит, что он верит во что-нибудь другое.

(«На пути».)

Следующим поколениям будет легче и виднее; к их услугам будет наш опыт. Но ведь хочется жить независимо от будущих поколений и не только для них. Жизнь даётся один раз, и хочется прожить её бодро, осмысленно, красиво. Хочется играть видную, самостоятельную, благородную роль, хочется делать историю, чтобы те же поколения не имели права сказать про каждого из нас: то было ничтожество или ещё хуже того...

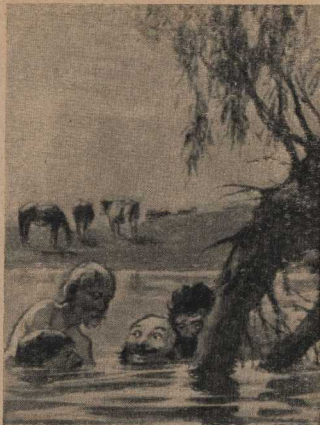
(«Рассказ неизвестного человека».)

Говорят, что философы и истинные мудрецы равнодушны. Неправда, равнодушные — это паралич души, преждевременная смерть.

(«Скупая история».)

Все мы народ и всё то лучшее, что мы делаем, есть дело народное.

(Из «Записных книжек».)

НАЛИМ

Корота подрублила. Её слегка надламывают, и Андрей Андреевич, к великому своему удовольствию, чувствует, как его пальцы лезут налиму под жабры.

— Тащу, братья! Не толпитесь... стойте... тащу!

Ч Е К
В ИЛЛЮСТ
художнико К

ТОА

Вечерние сумерки. Кружится около только что выловленного налима. Мягким пластом ложится на плечи, шапки. Изловлен и приважен. Он согнулся, согнулся живому телу, и не встает.

ДОЧЬ АЛЬБИОНА

— И хоть бы сконфузилась, подлая! — сказал Грабов, ползая в воду и крестясь.

— Брр... Холодная вода... Посмотри, как бровями двигает! На уходит... Выше толпы стоишь! Хе-хе-хе! И за людей нас не считает!

О В ТРАЦИЯХ КУКРЫНИКСЫ

...иной снег лезиво кру-
венных фонарей и тоними
спины, лошадиные спины,
Потапов весь бел, как
возможно только возможно
на козлах и на шовель-

НАДЛЕЖАЩИЕ МЕРЫ

Тихина и спокойствие. По направлению от думы к торговым рядам медленно движется санитарная комиссия, состоящая из городского врача, полицейского надзирателя, двух упоминаемых от думы и одного торгового депутата. Сзади потопительно шагают городские. Путь комиссии, как путь в ад, усыпан благими намерениями.

ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ

Он был замечен тем, что всегда, даже в очный хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате. И зонтик у него был в чехле, и часы в бегле из серой замши и, когда выжмал перомынный нос, чтобы очинить карандаш, то и нож у него был в чехольчике; и лицо, казалось, тоже было в чехле, так как он всё время прятал его в подлый воротник.

МЫСЛИ ЧЕХОВА

Человек должен сознавать себя выше всего в природе, даже выше того, что непонятно и кажется чудесным, иначе он не человек, а мышь, которая всего боится.

(«Дом с мезонином».)

Такие люди, как Пржевальский, дороги особенно тем, что смысл их жизни, подвига, дела и нравственная физиономия доступны пониманию даже ребёнка. Всегда так было, что чем ближе человек стоит к истине, тем он проще и понятнее. Понятно, чего ради Пржевальский лучшие годы своей жизни провёл в центральной Азии, понатен смысл тех опасностей и лишений, каким он подвергал себя, понятны весь ужас его смерти вдали от родины и его предсмертное желание — продолжать своё дело после смерти, оживлять свою могилу пустыню. Читая его биографию, никто не спросит: зачем? почему? какой тут смысл? Но всякий скажет: он прав.

(«Н. М. Пржевальский».)

Мысль и красота, подобно урагану и волнам, не должны знать привычных, определённых форм. Их форма — свобода.

(«Письмо».)

Боже мой, как богата Россия хорошими людьми! Если бы не холод, отнимающий у Сибири лето, и если бы не чиновники, развращающие крестьян и сильных, то Сибирь была бы богатейшей и счастлившей землей.

(Из письма от 1890 года.)

Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молотком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стряётся беда — болезнь, бедность, потеря — и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других.

(«Крыжовник».)

Наше дело — учиться и учиться, стараться накапливать возможно больше знаний, потому что серьёзные общественные течения — там, где знания, и счастье будущего человечества только в знании.

(«Моя жизнь».)

Великая звезда

— повесть —

(Продолжение *)

Рис. Г. Вальфа.

Краткое содержание предыдущих глав

Московский профессор Андрей Андреевич Хабринов получает весть о гибели сына на фронте. В бумагах сына профессор находит письма, адресованные С. Сосновой, и передает его по назначению.

Наш сюжет доставляет в несвязный темп паразитичность, имеющего специальное задание командования. В это же время происходит разрыв связи между сыном и матерью.

На приёме в заместителя председателя горисполкома дальнего тыла города Зауралья, Ко-старскому, приходит некий инженер Голонин. Жест Костромского, которого он знал студентом, Голонина привлекает к работе на заводской оборонной заводе «Первое мая». Увидев сложную работу, которую выполняет, Голонин понимает, что возможно, пойдёт туда вместе.

На артиллерийском положении в Зауралье происходит взрыв снаряда огромной разрушительной силы артиллерийского сарваля, взорванного инженер-набором Юрченко. Испытания прошли блестяще. Сарвалы будут изготовляться в количестве в тысячу штук.

Тем временем по ту сторону фронта командит захваченного гитлеровцами города Пинска Пинские и группенфюрер «СД» фон Мингера начинают сносное устройство работнику у них русскому инженеру, ставшему лицом Сергея Николаевича. Они понимают, что Николаевич имеет несвязный язык, но слышат его, узнавая старый образ носившие тельняшки немцев. Проверка показывает, что русский шпигер не командит по-настоящему, и впервые в нем фон Мингера ещё более уверяется.

Бургомистром Пинска Пинские назначает бывшего арестованного Гроффе, человека с утиным голосом, прославившегося в начале войны в немецком концлагерном лагере. Пинские гордо ненавидит Гроффева. Эта ненависть к предельно усилилась после кровавых зверств гитлеровцев в селе Тучково, участником которых был бургомистр.

Глава XI

ЛЕГКОМЫСЛЕННЫЙ ПОЛУТЧИК

ИНЖЕНЕР Голонин действительно по-забылся о Соне Сосновой и достал ей билет — у них оказались нижние места в одном купе — и трогательно ждал её входа в поезд. Всё это было очень приятно Соне.

Тронувшись поездом она молча гадала в окно, где деревянные подоконниковые дачи, пустынные деревянные платформы, такти составляющие и шумные и мирные дни.

Ехали молча. Потом Голонин, видимо, решил, что молчать неслучайно, стала развлекать Сону довольно грубыми рассуждениями о старом времени, о красавицах.

Степная Голонин включила свет и плотно задернула занавески. Она достала из чемодана бутылку вина и закуски, аккуратно, даже не без тщательности расположила всё это на столике. Соня почти машинально выпила. Голонин сидел с ней рядом и продолжал «жужжать» негромкими, вкрадчивым голоском:

— Вот галюка я на вас — хороша, спорю нет, и брови дугой, и румянец, и головка отменно посажена... Значит, надо придать немного жизни, одеть в этакое лёгкое платье с вырезом, причёсать по-модному и жемчуга в ушки — была бы прелесть! Водя жить-то хочется?

Соня умилилась. Разговор показався ей странным, и она перевела его на другую тему:

— Вы бывали в Париже? Расскажите мне о нём.

Голонин, оказывается, в Париже не был, но бывал в Монте-Карло, жила на Ривьере. Они проговорили до трёх часов ночи. Сосси им не мешали — наверху мирно спали утомившиеся после московской сутолоки командированные.

Так прошли первые сутки путешествия. На второй вечер Голонин, присев рядом с Соней, вдруг заявил ей:

— Вот что и скажу вам, Софьюшка, — уж позволяете мне так называться, ничего у вас не получилось с сыном Андреем Андреевичем, а жить-то ведь хо-

чется... Я по газетам видел, когда вы меня по Париж спрашивали. А приедете в Зауральск — опять сиди в библиотеке среди пыльных книгек и газет, потом возмущенно и холодною коммюнк, топи печку, разогреть кашу, пей напиток без сахара... Знаете что? Поезжайте-ка о вокзал прямо ко мне — и всё!

— Как это к вам, в качестве кого? — удивилась Соня.

— Ну, в качестве... родственницы, что ли... Семья у меня теперь нет — вот я и приехала в Москву дальнюю родственничку-хозяйку. Устроит меня хорошо, буду всякие блага, всё-таки и работник солидный, отношение ко мне соответственное. Что вы на это скажете? Сейчас я совсем одиноко, абсолютно одинок. — Голонин взял руку Сони в свои руки. — Ну, серьёзно, решайте: можете не сеяться, а завтра... Нам ещё двое суток ехать.

— Георгий Иванович, — с грустью сказала Соня, — если вы хотите, чтобы я относилась к вам дружнее, изложите в мои распоряжение со мною так.

Глава XII

2500 КИЛОМЕТРОВ К ВОСТОКУ

В двух с половиной тысячах километров к востоку лежала далёкий город Зауралья. Здесь на заводе «Первое мая» всё делалось без лишнего слов и споров.

Главный инженер цеха собирал вокруг себя мастеров и говорил им: «До конца месяца осталось как-нибудь восемь дней, а у нас шестьдесят процентов плана. Давайте поставимся, сделаем, а то всё стыдно...»

Он не говорил о том, что их цех по лагерю «К» — великий цех, что в нём, зная, что на фронте ведут сражения огромной разру-

шительной силы, снарядов, которые полнивают на воздух комбинаты с семью тысячами и разбивают вдребезги бетонные и стальные колаки дотов. Главный инженер не упоминал даже слова «фронт». Всё было и так понятно. Мастера воспринимали и говорили друг другу и совершеннолетним паренкам: «Восемь денёчек осталось, надо поднажать, а то опять, как два месяца назад, скажут: «Цех «К» взорывает весь завод».

У этого было достаточно, чтобы непушка и юности по двое, по трое суток не выходили из цеха.

Всё это казалось здесь обычным, как и то, что завод «Первое мая» был очень большим, хотя шесть месяцев назад он не выплюнул плавня и впервые приступил к выпуску знаменитых снарядов, которые на фронте называли «Явни Гроффева».

Георгий Иванович Голонин был новым человеком на заводе, лабораторию его устроили на заводе, в помещении старых заводских складов.

В этот день Голонин был немного недоволен тем, что ему придётся уйти на работу из лаборатории. Его просил зайти инспектор по кадрам Шорин.

Шорин оказался подвижным, разговорчивым молодым человеком с умными, живыми глазами и тонким, немного длинным носом.

— Ну, вот, наконец познакомились, — благожелательно сказал он, — а то можно сказать, работает у нас на заводе молодой инженер, созданный инженер, а я его и в глаза не видел.

Голонин поблагодарил Шорина за «солитного инженера».

— А как же, познакомься Хабринова, затем я вашу анкету читал, с интересом читал и удивлялся — вот съезди! Вы у Густава Амста тоже работали?

— У кого? У Густава Амста? Никогда не работа. Вообще я не работа в немецких фирмах...

— Должен вам сказать, вы задумали сделать дело, не мне вестись казалось, что заманчивая перспектива металлов прежде всего нужны в армии...

— Я и сам так думаю, в Москва всё было наладжено, чтобы я устроился у Владимира, но, я сам не хотел таких масштабов...

— Плавать — так с большой коммюнк!

— Нет, всё же я предпочитаю свалиться с мявньюю, хоть цех останешься... Но,

— Вы бывали в Париже?

* См. ММБ 7—8, 9, 10, 11—12.

кроме шуток, наш завод — я говорю уже чаще — не такая уж маленькая кокошанина, во всяком случае, зной этой кокошанины слышен на всех фронтах... Так что не придирайтесь.

Время шло, разговор затягивался, но собеседники не замечали времени, пока Головин не взглянул на часы.

Ну, а как в смысле бытовых условий вы устроились, Георгий Иванович?

Головин ответил, что с этим пока трудно, комната мала, холодно, но всё устроится. Пока приходится работать в читальне Дворца культуры.

— А так у меня всё в порядке. Пропуск на завод, удостоверение, ордер на комнату...

— Пех «Х» получают пропуск?
— По положению, не работающие в цехе «Х» получают только разовые пропуска... Сегодня собираюсь побывать и в этом цехе.

Загов они простились. Однако личное дело Головина ещё долго лежало на письменном столе Шорня.

От Шорня Головин отпрятался за пропуск в цех «Х» и, получив пропуск, перешёл через особую калитку и увидел ничем не примечательное длинное кирпичное здание...

В цехе «Х» Головин оставался недолго. Он сказал вкратце, что его интересовали только некоторые детали снаряда, а совсем не вещество, которым он заряжался. Как бы ни выходило Головин спросил у главного инженера цеха о зарядчатой массе этого вещества и получил ответ, что количества, находящегося в цехе, хватит для того, чтобы уничтожить всё живое на два километра в окружении.

Головин несколько минут стоял как в растве, рассматривая записанное вещество на ладони инженера и стоявшие в стороне металлические запечатанные ящики. Он в это время думал, что одной пули из пистолета «Вальтер», вымученной в такой ящик, достаточно, чтобы вызвать катастрофу. Впрочем, Головин не мог знать, что металлические ящики были и это время думал, в них не было ни грамма зарядчатого вещества для снарядов инженера-майора Юренку.

Головин простился с главным инженером цеха и вышел.

Когда калитка за ним закрылась, Головин снял кепи и вытер выступивший на лбу пот.

Точно опасаясь, что кто-нибудь может прочесть его мысли, Головин вытер перекладку заводской лопы и через проходную вышел на улицу.

Глава XIII

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

Первый же день после возвращения в Зауральск Сося Соснову вновь оказалась в пути по оставшемуся в Москве. В стояние её наполнило ощущение близости фронта. Серебряные аресты заграждения среди золотой пыли бульвара, фронтовые «эмки» и «эски», зелёные «колдун» и «форды», яркие «владельцы на улицах и площадях. Офицеры и солдаты, только что миновавшие московские заставы и взволнованные тем, что они в столице. Танк с открытым люком, из которого глядело лицо танкиста в шлеме, похожим на каску греческого воина. Эти московские военные ночи, пустынные, тёмные улицы, гуляний шаб вечерних патрулей и их «рокетов», уставившихся в тёмное застёну небо.

Сося казалось, что люди в Зауральске слышком слоговны, слышком уверены в себе, и в будущем. Возвращаясь домой, она глядела на освещённые окна, ей представлялось, что в этих домах мало думают о том, что происходит за ней в сплошной тысяче километров к западу.

Возвращение было для Головина делом Сося. В этот день рано закрывалась читальня и ей приходилось уходить из светлого и чистого зала, где можно встретить самых

разнообразных и интересных людей; они могли часами шопотом говорить о положении на фронте, о книгах, рассказывать о себе.

Сося только не видела Зауральск в эти военные годы! Здесь были коррективы: Ленинградские самоохотливые киевляне, темпераментные одеситы, девушки из Днепропетровска с их неунычивыми, звонкими голосами, молчаливые, задумчивые эстонки и, наконец, немецкого происхождения, но гостеприимные местные жители.

Сося внимательно присматривалась к окружающим её людям в новом для неё городе. Люди понимали отходную после испытаний тяжёлой прошлойгодней зимы, когда, дорою несделанной, голодной, нас было вынуждено строить новые, усесть станицы в холодных, сырых пещерах.

Однажды на телеграфе Сося заметила рыжеволосого худощавого человека с несколькими усталым лицом, быстрым и внимательным взглядом серых глаз. Он прощупывал Сося и хотел пройти, но вдруг остановился и вернувшись:

— Я не ошибаюсь... Вы, кажется, знакомы, во всяком случае, встречались.

— Это была женщина Женя Хлебников, — провозгласила Сося.

— Да, совершенно верно. На концерте в Консерватории... Отойдём в сторонку, я вам лучше выйдем в сквер. Вы не горюшите.

Они присели на скамейку в сквере и разговорились. Что-то дрожало у неё в горле, и сердце сильно билось, вероятно, от приятия человека, который был свидетелем её счастья в Женей.

— Да, многог мы не достигли после войны... Я не то чтобы дружила с Женей Хлебниковой, но мы хорошо относились друг к другу, вместе была на практике после института. Это был самый прекрасный, хороший товарищ... Вы успели пожениться?

— Нет.

Сося поправилась, что он так, просто и тепло говорил о Жене.

— Вы, кажется, москвич?

— Нет, я из Краснодара... О своих яично не знаю. Там у меня мать и сестричка.

— Вы думаете, что они... Сося хотела сказать «живы», но запнулась.

— Думаю, что их нет на свете.

Они разговорились и условившись увидиться в ближайшие дни.

Спусти три дня Шорня зашёл в читальню Дворца культуры. У него были два билета на концерт известного столичного певца. Но задержать читальню оставалось четверть часа. Шорня порешил взять журналы и увидел за одним из столов Георгия Ивановича Головина. Он собрал со стола свои блокноты, заметки и держал подмышкой серую книгу. Он поздоровался.

— Вот где приходится работать! — уныло сказала Головин. — Но хозяйка здесь приятнейшая девушка, и я чувствую себя как дома.

Головин отпустил книгу перел Сося, взглянул на часы, попрощался и ушёл. Шорня ждал, пока Сося кончит с делами, и стал перебирать книги, которые только что вернула Головин. Казалось, он весь отдаётся этому занятию.

Мног прелась женщина заглядывать к вам, Софья Кирилловна, — сказала, отодвигая книги, Шорня, — в библиотеку окома далеко ездить.

— Будете жевавшим гостем, — ответила Сося.

Сося была очень довольна тем, что ей удалось побывать в театре. Шорня держался по-товарищески просто, она чувствовала себя с ним непринуждённо, как со старым знакомым.

В антракте они снова увидели Головина.

— Так вот куда вы спешили? — воскликнула Сося.

Она всё ещё испытывала какую-то неловкость после того странного разговора и впадо. Но, бывая в читальне, Головин даже встал не полагая, что полагал об этом. Он заговорил с Шорным и сказал, что весьма уважает Шорного.

— Вы же полагаете свет, начиналось второе отделение концерта. Головин простился с Шорным.

— Вы давно знаете инженера Головина? — спросил Шорня.

— Нет, знаю. Я познания Александровича отца Женя. Он довольно симпатичен, хотя, как бы вам сказать... старомоден.

— Ну, это ещё не порок.

Песня и аккомпанемент вышли на сцену. Шорня замолчал. Он слушал песню в каком-то приятном оцепенении. Когда кончился концерт, он сказал Сося:

— Вероятно, я неинтересно общаюсь с вами. Он вынул из театра. Но! была лунная, они медленно шли по широкому проспекту, ведущему к заводской район.

На мосту им открылся вид на завод, высокие электротрансы, красивые зелёные огоньки на путях, розовое, освещённое заревом вечное облако дыма над трубами. И как Мелнички путь — россыпи огней заводских печёвок в свете луны.

— О чём вы думаете? — спросила Сося.

— О самых прозаических вещах, вряд ли позволительно думать об этом в такую лунную ночь... А вы о чём?

— Я думаю, какая огромная наша страна... Отсюда до фронта две с половиной тысячи километров... Вам не кажется, что нехорошо нам быть так далеко от фронта? — Я был на фронте шестнадцать месяцев.

Шорня не сказал о том, что у него прострелено лёгкое и он до сих пор страдает от кашля.

— Я не была на фронте и очень бы хотела попасть туда.

— Видите ли, для меня и здесь в какой-то мере фронт.

Они остановились и условившись увидиться в ближайшие дни.

— Вот тысячи комиков и баракко, десятки тысяч огней. И очень возможно, что где-нибудь за окном сидит человек, который ненавидит нас и всё вокруг.

— Я об этом не думаю.

Разве можно быть уверенным в том, что где-нибудь здесь, поближе не притаился враг! Перед нами горел завод, наш большой город, сотни тысяч рабочих, инженеров, техников... А где-нибудь в Германии сидит немец и занимается изобретением наших взрывчатых и на выном сидит человек, тысячу чистых тружеников, у него может быть, есть свой человек и даже не один человек. Сидит и ждёт своего дня и часа! И дождётся, если не найдёт его и не обезвредит.

Они давно миновали мост и шли вдоль аллеи, застроенной однообразными пятиэтажными жильными домами.

Сося с удивлением поучивалась, что сейчас она по-прежнему глядит на эти освещённые окна.

(Продолжение следует.)

Пули из пистолета «Вальтер» достаточно, чтобы вызвать катастрофу...

С. Нагорный

БОЛЬШОЙ ШЛЕМ

Рассказ

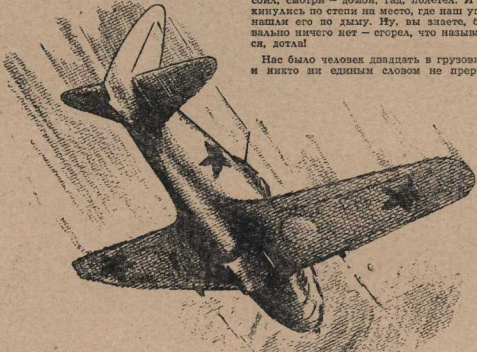

Рис. Г. Валька

Пучков не вернулся с задания. Я не стану рассказывать, как мы ждали его. Кто ожидает когда-либо возвращения друга, поглядывая то на часы, то на небо, что чувствует, как с движением стрелки боль всё острее входит в сердце, то поймёт. Истребительный самолёт — не поезд, опаздывает он не может.

Мы сидели в тени, под стогом, в котором маскировался КП высшего полка. По мере того как уходило время, тень удлинялась, и всё более сумрачно становилось на душе. Ведь вы знаете, кем была для нас Пучков, самый верный друг и самый лучший пример... Слავа о его подвиге гремит по стране и армии, но мы знали не только счёт его побед, а те боевые приёмы, которые изобрёл его талант, мы знали человека, товарища — и славу определяло: лучшего товарища, чем Ваня Пучков, не знали.

Когда солнце нехотя коснулось края степи, мы по обыкновению уехали с аэродрома, обняв друг друга за плечи в битком набитой полуторке. Сухая земля необъяснимого проседающего подливалась машинист. Шумный запах полами и мёты поднимался от разогретой травы. Мы охладели водой, без пены и шутки. Я поймал взгляд Кости Рябошапки, бесменного техника Пучкова. Он смотрел на небо, где разназывали краски заката, в его глазах были тревога и горе.

— Убей меня, если он не вернётся, — сказал яруг Гоголдзе, сжав ружьей мой плечо.

Я емолача. Гоголдзе влохнула и, торопливо достав папиросу, ста яростно циркать спичками, но от ветра они гасли, и он громко ворчал по-грузински.

Вылезав полуторка завывала тормозами. Все, что был в кузове, упали вперёд.

Юркий «вильнис» с лоповенкой фанерной будкой, обогнавший нас по целине, разворнулся под самым радиатором нашей машины и ста в поперек дороги. Из «вильниса» выскочил серый от пыли лейтенант-танкист.

— Вы с аэродрома? — крикнул он.

Через минуту мы узнали, что часа полтора назад километрах в тридцати отсюда, недалеко от переднего края, был воздушный бой. Один из двух армянских самолётов утону, подбитый. Другой, сделав несколько кругов, ушёл на запад.

— Я говорю водителю, — рассказывала танкист, — значить, говорю, измен нашего сбыва, самолёт — лодка, так, полетела. И мы кинулись по степи на место, где наш утону, нащам его по дыму. Ну, вы знаете, буквально ничего нет — сгорела, что называется, дотла!

Нас было человек двадцать в грузовике, и никто ни единым словом не прервал

— Стой! Говорю, стой! — крикнула с крыльца майор, командир нашего БАО, и полуторка снова зашумела всеми тормозами.

Майор селса с крыльца. — набросился он на шофера. — Где вы прощадали, я спрашиваю?

— Товарищ майор... — Разворачивайся, бери техникумвуд, поедешь на выужденную!

И, обротившись к нам, пояснила не без ехидства:

— Прибавсе, товарищи офицеры, вешком дойти. У меня самолёт на выужденной. Ваше дело — сажать машины где попало, а мюб — транспортивать. Прощу!

Мы, ни слова не говоря, помыскаивали из кузова.

— Разве кто сел? — спросил Кулаков.

— А то вы не знаете! Капитан Пучков добрался до сухих холмов. Кажется, солиный человек, а вот...

И уже обращаясь к шоферу, он приказывал:

— Сперва в лётную столовую, там капитан Пучков обедает, ашуть объяснит тотный маршрут...

С ликим шумом и грохотом прытали мы снова в полуторку. Теперь всё закончил в столовой. Там, в пустом зале, один перед двумя мисками борща, сидел живой и здоровый наш Ваня Пучков. Поворачивая для неадапности так и утало огромные свои авадони, он ста рассказывать, как всегда по-армянски окая, как дрался с «мессером», как сбил его и полетел обратно к линии фронта, снова вылезая в арку и отбегая шестёрку «шкперос» от пошедшего края, но горючка, понимаешь ты, всё! — пришлось сесть возле носсе, километров двадцать не дотянул... Ну, машина, ничего, в порядке, работы на два часа, не горюй, Рябошапка!

— Ты дружили всю правду говори! — потребовала Гоголдзе. — Каким образом шлем потерял?

Пучков покраснел, как мальчишка:

— По прищичку, понимаешь, я ружьей селса над фронтом, когда он горел, ну, выскочил на вырваке... Ветром и саудом.

Как мы ругали Пучкова! Молодёжь, конечно, помакивала, да лизник Пучков, я был скваза, — бог, а вы, старжики, ругали его влодь и поперёк, стовидая адуку, как могли.

— Твой этот шлем, каюк, невозможного размера, — говорил Гоголдзе, — надо я мюб отпривить, чтобы знали, какая бывает по объёму лутая голова!

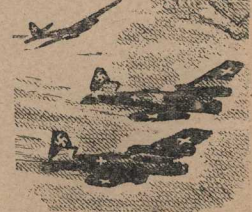
Рябошапка молчала, добрыми, всеслыми глазами поглядывая на Пучкова.

Потом Пучков сквазал:

— А знаете, друзья, если в другой раз тебе случат бугет, ты не верюте. Я сам не верю. Ничего такого со мной не может быть.

И, умятившись, он встал от стола, и мы замалили, что русой, красивой головой Ваня почти кажется белогаям пологом столовой.

«А ведь правда, — подумала я, — с ним ничего такого случиться не может!»

ВОЗРОЖДЕННЫЙ КОЛХОЗ

Фото А. Григорьева

С села Городня, Завидовского района, Калининской области, был колхоз «Рабочая Москва». Жили в этом колхозе люди счастливо и богато. Своими достижениями колхоз заслужил почётное право быть участником Бесоземной сельскохозяйственной выставки.

Немцы побывали в этом районе — и цветущая завидовская земля, плодородию которой и впрямь можно было завидовать, омертвела, осиротела. Немцы вытоптали поля, выжгли избы, уничтожили фермы, порывали и угнали скот. Но Красная Армия изгнала гитлеровских разбойников из Завидовского района. Советские люди вернулись на пепелища и взялись за восстановление. Жизнь вновь заиграла, забурлила на колхозных полях.

На месте сожжённых изб колхозники построили новые. На снимке сверху, справа, вы видите одну из новых изб. Строительный материал для всех возводимых построек молодые самостоятельные заготовили в лесу (снимок сверху, слева). Отстраиваются и общественные здания. В новом доме открыт колхозный детский сад. Здесь воспитывается более 50 ребят (второй снимок слева).

Удешевшие и брошенные тракторы отремонтированы силами колхозников. Молодая трактористка Антонина Астаскина на своём стальном коне выполняет 200 процентов нормы (третий снимок слева).

Возродилась молочная ферма: раньше она всегда была высоко продуктивной. На нижнем снимке внизу — одна из лучших колхозных доярок — Клавдия Цветкова. Её питомца даёт ежедневно 18—20 литров молока.

Люди колхоза трудятся не покладая рук, зная, что своим трудом они помагают сыновьям и братьям, ждущимся на фронтах.

В семье колхозного бригадира М. Г. Ларина большая радость. Почтальон Мария Шатурина — вестник этой радости (снимок внизу справа). У Ларина на фронте 5 сыновей и дочь. И вот письма срзду от всех шестерых: гвардейца-сержанта Ивана, бойцов Владимира и Алексея, моряка Николая, артиста-орденоносца старшего лейтенанта Михаила и Марии, работавшей в военном госпитале.

Возродив свой колхоз, завидовцы написали письмо Михаилу Ивановичу Калининцу. М. И. Калинин светом завидовцам, и выразил надежду, что они не успокоятся на достигнутом и приложат все силы к тому, чтобы полностью возродить все отрасли колхозного хозяйства, сделав его таким же богатым, каким оно было до войны.

В. И. КАЧАЛОВ РАССКАЗЫВАЕТ О СВОЕЙ РАБОТЕ

В. И. Качалов.

В день своего шестидесятилетия, принимая приветственную награду — ордена Трудового красного знамени — выдающийся мастер театра народный артист СССР Василий Иванович Качалов говорил:

«60 лет. Я не чувствую на плечах этого груза. Мне хочется творить, работать, создавать новые театральные образы. Я чувствую прилив творческих сил, и мне хочется сказать так: ничего, старей, 60 лет нестрашны в стране, где мы живём и работаем...»

С тех пор прошло ещё 9 лет. За эти годы болезнь пошатнула здоровье В. И. Качалова, но, помнясь зову сердца, именно сейчас, в дни войны, он работает много и плодотворно, как никогда.

— Глубокая старость, — говорит он, — а готовности отдать родную не уступает юности. У меня и до войны были частые встречи с бойцами и командирами Красной Армии и Военно-Морского Флота. Сейчас каждое выступление перед воинами-фронтовиками приобретает особый смысл. Я черпаю в общении с ними новые силы. Ни в какой другой аудитории я не испытываю такого подъёма, такого острого ощущения важности, нужности и ответственности нашего искусства.

Концертный репертуар Василия Ивановича в дни войны пополнился стихами поэтов И. Тютчева, К. Симонова, М. Светлова, А. Ахматовой, И. Сельвинского, М. Рыльского, фельетонами И. Эрзенбурга. По-новому звучали всеобщим для сердца огнём чтения отрывки из «Войны и мира», «Мёртвых душ», «Бориса Годунова» и других классических произведений.

Не прекращает В. И. Качалов и свою основную работу в Художественном театре, где он создал около пятидесяти ролей. В этом сезоне зритель вновь увидел на сцене МХАТ имени Горького спектакль «Бокрессания» с уча-

стием Качалова. Большим театральным событием является каждое выступление замечательного артиста в спектаклях «Враги», «На дне», «Винный сад». В настоящее время Василий Иванович готовит две роли в новых постановках — Иосифа Кемурчянца в «Лесе» и Лорда Кэвершима в пьесе О. Уайльда «Идеальный муж».

В. И. Качалов — друг молодых талантов. Он внимательно и чутко присматривается к каждому молодому актёру, вступающему в коллектив МХАТ, всегда готов подсказать, посоветовать, помочь исправить недостатки, вселенски поддерживать способного человека. Играл спектакли, Василий Иванович не упускает из поля своего зрения любого участника массовой сцены и ходит для него в последнюю беседу — сердечные, простые, нужные слова.

Особенно поощрялся в этом смысле ученикам недавно открытой при Художественном театре школы студии имени Вл. И. Немировича-Данченко. Василий Иванович — частый гость в этой школе.

Намётом таланта, которым наделяет человека природа, — говорит В. И. Качалов, — искусство требует упорного, настойчивого, неутомимого труда. Это может показаться прозой или истиной, но я не устаю повторять это, когда мне случается беседовать с молодёжью. Я знаю на своём опыте, как много значит неустанный труд для актёра.

Я вспоминаю, например, нашу работу с Вл. И. Немировичем-Данченко над инсценировкой «Бокрессания». Вышнее роль «от автора» намечалась, как неизбежное подспорье для связи драматических сцен, как роль, имеющая минимальный авторский текст. Но постепенно значение и возможности роли расширялись, приобретает всё больше прав на самостоятельное звучание. И это привело к тому, о чём мы мечтали. —

к новому виду спектакля. Поверив в него окончательно, твердо стал на этот путь, и шаг за шагом и дальше.

Из года в год всё смелее развивалась роль, утверждалась особая область литературы — литературный спектакль. Я стал расширять свои знания и уточнять подробности. Чтёц выходил на передний план, всё более приращивал в основное действующее лицо, как бы в хозяина спектакля. Мне принадлежали не только слова, самый текст автора, но и вся идея спектакля, его эмоциональная сила, темперамент и нерв автора. Мне нужно было передать артисту своё отношение к происходящему и в то же время помочь действующим лицам раскрыть идеиную сущность романа.

Всё это, повторю, пришло далеко не сразу, а выработывалось годами. И теперь ещё, играя в «Бокрессания», я захожу в спектакле всё новые поводы для углубления и отшлифовки моей интерпретации.

Я не могу себе представить, как можно успешно работать над ролью, не любя её по-настоящему, не сквашив с ней так, чтобы она вошла в кровь и плоть актёра. С той минутой, когда у меня возникла в голове облик контуры образа, и целиком в его устах. Всё моё внимание поглощено им. Фантазия работает напряжённо. Не только на репетиции, но и на улице, в рабочем кабинете — в самой разнообразной обстановке накапливается и вымывается задушевный образ, захватывающий в плеч и сердце и мозг. Идём по улице — и вдруг неожиданно находишь какой-то новый жест, какую-то новую интонацию. И на репетиции, в ансамбле, часто окончательно находишь те правильные внутренние ходы роли, которые лишь смутно ощущались накануне.

ЧИТАЛИ ЛИ ВЫ?

Вышедшая в прошлом году поэма белорусского поэта Аркадия Кулепова — «Знамя бригады», переведённая на русский язык Михаилом Исаковским, сразу привлекла внимание читателей своей актуальностью и поэтической обаянием.

Тяжёлые испытания, нависшие над дядькой поэмы, тесно переплетены с многогральной судьбой белорусского народа, мужественно и стойко борющегося с врагом в ожидании часа своего освобождения. «Свинцом и пожаром гоимья», горой, помойкой, лодкаст Минск и, уходя, так прощется с родными местами:

«Я тебе оставлю, родным людям, кланяюсь,
Что с дороги нигде не собоюсь.
Я вернусь. Я вернусь».

Бригада попадает в окружение. Оставшиеся в живых советские бойцы стремятся прорваться к своим, сохраняя бригадное знамя, — честь бригады, честь Красной Армии, родины.

Роман «Приваловские милионы» Д. Н. Мамкина-Сибиряка — один из наиболее поэтических и интересных романов среди огромного литературного наследства, оставленного бытописателем старто

Урава. На протяжении последнего десятилетия книга дважды переиздавалась.

В романе рассказывается история миллионного наследства, нажитого ценой кровопролитного и жестокого, пролитного потом и кровью предков уральского пролетариата, показана трагическая судьба наследника Привалова и сложная интрига, которую плел во имя наследства два ловких мошенника — Паловодов и Шингалю.

Через века пролет в баях сподвижников Суворова и Кутузова — генерал Пётр Иванович Багратион. Он

участвовал в 20 походах и 150 сражениях, битвах и вооружённых стычках с неприятелем. Образ любимого русского полководца из памяти славных героев Отечественной войны 1812 года правдиво и волнующе показан в романе С. Голубова «Генерал Багратион».

Народ и русские солдаты любили Багратиона не только за храбрость и ум, но и за редкое благородство души, за простоту, честность и простоту. Книга Голубова вводит читателя в гущу исторических событий 1812 года и рисует неколлективное мужество русских солдат и их полководцев, участников Бородинского боя.

РАДАР

Много лет назад два молодых инженера — Юнг и Тайлор — сделали опыты с новым радиопередатчиком. Они пробаваи его на пустынном морском берегу, и случайно показавшийся океанский пароход «Мари Кюри» изменил все направление работ экспериментаторов. Неожиданно обнаружилось странное явление: радиоволны отражались от корпуса парохода, как отражаются лучи света. В этот день Юнг и Тайлор со своим передатчиком превратились в охотников за пароходами, которые они подстергали, чтобы убедиться, нет ли ошибки в их предположениях, казавшихся маловероятными самим инженерам. Но радиоволны неминуемо отражались — об этом свидетельствовали приёмные устройства на берегу.

«Значит, — сказал Тайлор, — мы можем обнаруживать при помощи радиоволн пароходы в море, самолёты в небе и вообще все предметы, находящиеся перед нами...»

Молодые люди, сидя на берегу океана, уже окутанные ночной мглой, мечтали о том, как изобретённые ими аппараты найдут применение во всех областях техники... Мечта Юнга и Тайлора осуществлялась, их портреты появлялись во всех крупнейших газетах и технических журналах Америки и Англии, но... это уже портреты стариков. Десятки лет

жизни вражеской техники в море, в небе и на земле. Радиолокатор в Англии окружала глубокая тайна, пока при его помощи не было отбито нападение германских воздушных сил на Лондон и другие британские города. И теперь, конечно, далеко не все подробности радиолокатора перестали быть военным секретом, но английские опубликовали принципы устройства.

Удлинкороткие радиоволны особым передатчиком направляются в небо. Одновременно работает очень много передатчиков, так что образуется невидимая сеть радиолучей. Когда луч наткнётся в небе на самолёт, он отражается от его поверхности и улавливается приёмником. Время, необходимое на то, чтобы отражённый луч достиг приёмника, указывает расстояние до самолёта, ибо скорость распространения радиоволн точно известна, а угол, под которым проходит и принимается луч, указывает на присутствие, определяет положение самолёта относительно прибора. Комбинация радиодисенсий даёт настолько ясное представление о том, где находится враг, что остаётся только наводить орудие и стрелять — эта операция производится автоматически.

Радар и радиолокатор занимают немалое место. Они легко устанавливаются на корабле, на самолёте и служат для обнаруже-

ЛИНИЯ ОТРЕЗА

К ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА «СМЕНА»

Редакция литературно-художественного и общественно-политического журнала «Смена», стремясь учесть запросы и требования читателей, просит ответить на следующие вопросы:

1. Какие рассказы, стихотворения, очерки, фельетоны, статьи, повести читались в первой половине 1944 года (№№ 1—12), вам понравились?

2. Читаете ли вы повесть Льва Николаева «Золотая вилка», которая печатается в журнале с № 7—8? Интересует ли она вас?

3. Какие темы для рассказов и очерков вы могли бы предложить журналу?

4. Отгадывае ли вы научно темы вам особенно интересуют?

6. Проведения каких выставок и выставок хотели бы вы прочитать на страницах журнала?

6. Какие вопросы жизни и работы комсомола и молодежи вы предлагаете поставить на страницах журнала?

7. Редакция печатает «Восходы к читателям». Восходы о чём из известных деятелей науки, литературы и искусства и на какие темы вас интересуют?

8. Какие из цветных выкладок вам понравились? Какие рисунки, карикатуры, юмор, фотографии вы считаете наиболее удачными и почему?

9. Следите ли вы за известными отделом? Решаете ли кроссворды, задачки, головоломки?

10. Какие ещё нововведения журналу вы можете сделать?

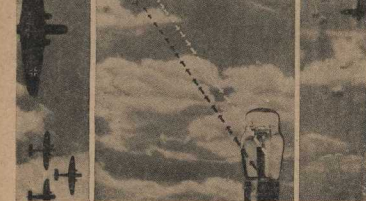
11. Ваш возраст, специальность, местожительство (назовите город, село)? Давно ли читаете журнал «Смена»?

Заполните и опустите в почтовый ящик без марки.

ЛИНИЯ ОТРЕЗА

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Литературная консультация при редакции журнала «СМЕНА» работает по вторникам и пятницам от 5 до 7 часов в помещении редакции.

Радар, сердцем которого является электронная лампа, осяцпывает своими лучами небо...

порабавлялись, чтобы прибор усовершенствовался и сделалось возможным пользоваться им в широких масштабах.

Американцы назвали это приспособление «радаром», а английское имя — «радиолокатор». Дело в том, что радиолокатор в Англии и радар в США появились почти одновременно, потому что, как только Юнг и Тайлор опубликовали свои наблюдения над отражением радиоволн от металлических поверхностей, сейчас же радионженеры занялись конструированием прибора для обнару-

ния приближающихся ночью и в тумане судов, что важно не только с точки зрения возможного нападения, но и для предупреждения столкновений. Они помогают обнаруживать с самолёта, летящего в темноте или в тумане, такие препятствия, как скалы, высокие сооружения, деревья; помогают пароходам ориентироваться в опасных местах и автоматически менять свой курс, обходя айсберги, рифы. Таким образом, широкое применение радара также очень широко.

Инж. А. Морозов

ЮМОР ЧЕХОВА

Новая работа Эм. Каминки

Эм. Каминка.

Лауреат Всесоюзного конкурса мастеров художественного слова Эммануил Каминка показал в редакции журнала «Смена» новую программу, подготовленную им к 40-летию со дня смерти великого русского писателя А. П. Чехова.

Из существующих на эстраде жанров художественного чтения Каминка избрал наиболее трудный — жанр реалистического повествования. Исполнитель избегает декламации, ему чужд пафос, в то же время приемами актёрского изображения он пользуется весьма скупко. Он рассказывает.

Для такой простой и реалистической манеры исполнения вряд ли можно найти материала более благодарного, чем рассказы Чехова. К рассказам «Человек в футляре», «В Мокшине», «Роман с контрабасом», исполненным Каминкой раньше, добавлены рассказы

«Душечка», «Оратор», «Драма», «Произведение искусства», «Один из многих» и некоторые миниатюры Антона Чехонте. Получилась разнообразная программа, в которой преобладающее место занимает мягкий чеховский юмор и берущая за сердце чеховская лирика.

Образ Оленьки, дочери отставного козлажского помещика из рассказа «Душечка», трогательно выписан автором. В исполнении Каминки душечка Оленька, не имеющая своих мнений и живущая стасьяново лишь тогда, когда может повторять мнения любимого ею человека, нас и трогает и смешит.

Дамы, сочинившая пятиактную пьесу, из рассказа «Драма» изображается тесной уже не в мягких красках доброжелательного юмора, а острыми мазками злой сатиры. Этот очень смешной рассказ в исполнении Каминки вызывает у слушателей дружный хохот.

В рассказе «Оратор» о приехавшем надгробном ораторе Григории Петровиче Запоякине, укитившемся похоронить живого человека, так же как и в рассказе «Один из многих» — о несчастном данном муже, — исполнитель не увлекается анекдотом. И за смешным, веселым, у него звучит нечто значительно более глубокое — трагизм быта, порожденного этих смешных людей и эти смешные события.

Чеховская программа, подготовленная Эммануилом Каминкой к юбилейным дням, заслуживает высокой оценки. Исполнение хорошо раскрывает чеховские образы, ещё больше приближает к нам любимого писателя с его мягким и умным юмором.

Н. А.

ЛИНИЯ СГИБА

МОСКВА,

улице «Правды», № 24

Редакция журнала

«СМЕНА»

ЛИНИЯ СГИБА

В НОМЕРЕ:

Н. БОГОСЛОВСКИЙ — Великий русский писатель.
А. ДЕРМАН — Братья Чеховы.
А. ПРОКОФЬЕВ — Песня.
А. ЯШИН — Десант.

Юмористические миниатюры Антона Чехонте.
Е. ВЕСЕНИН — По рецепту доктора Чехова.
Мысли Чехова.

Челов в иллюстрациях художников Кукрыникси.
Л. НИКУЛИН — Золотая звезда. (Продолжение.)
С. НАГОРНЫЙ — Большой шлем.

Беседы с читателями. В. И. Качалов рассказывает о своей работе.

Читали ли вы?
Вокруг света. Инж. А. МОРОЗОВ — Радар.
Н. Л. — Юмор Чехова.

И. МАНЕВИЧ — Чеховские фильмы.
Иллюстрации художников Г. ВАЛЬКА, КУКРЫНИКСЫ.
С. СЛАМНИЦКОГО.

На вкладки: А. П. ЧЕХОВ — портрет работы художника И. Э. БРАЗА.

СМ НА ОБОРОТЕ

И. о. ответственного редактора — М. КОТОВ

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д-34-24.

Принятые рукописи не возвращаются.

Формат 21 × 110 см. 2½ печ. л. За. в печ. л. 88.000.

Заказ 1578.

Тираж — 30 000 экз.

Изд. № 448. А 5224. Подготовлено в печати 31/VIII—44 г.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Образы Чехова на экране.

Чехов — великий художник слова, чей талант тех высоко ценили Лев Толстой и Максим Горький. — конечно, не мог не привлечь к себе внимания мастеров кино. Увидеть чеховские образы на экране стремились и миллионы читателей его произведений.

Ещё в дореволюционной кинематографии делались попытки поставить фильмы по рассказам А. П. Чехова. Экранизировались «Шведская спитка», «Драма на охоте», «Позднотрубина», «Рассказ неизвестного человека». Но эти фильмы ни в какой мере не показывали подлинного Чехова. Это были бледные копии, лишённые красок и прелести оригинала.

Первым советским фильмом по произведениям Чехова была «Каштанка», экранизированная в 1926 году. Годом позже, к 25-летию со дня смерти писателя, была выпущена специальная программа — фильм «Чины и люди». Все эти картины были немые.

Фильм «Чины и люди», поставленный крупным мастером и постановщиком ряда больших русских фильмов по произведениям классиков Я. А. Протазановым, включал три рассказа Чехова: «Анна на шее», «Смерть чиновника» и «Хамелеон». Сценарий фильма, написанный Протазановым при участии исследователя творчества Чехова Юрия Соболева, бережно сохранил смысл и содержание этих рассказов, близких друг к другу по теме, тонко и глубоко показывавших утраты человека, уничтожение человеческого достоинства.

Центральное место в программе занимала «Анна на шее». Это был законченный фильм в четырёх частях. М. Тарханов, исполнивший роль Модеста Алексеевича, Н. Станция (помощник Артынов) и молодая актриса Стрельцова создали интересные образы. «Смерть чиновника», малая часть, была сыграна в одной сцене. Её сыграла И. Москвина (Черныков), Н. Ершовым (Брызгалов) необычайно искренно и убедительно. В целом фильм явился интересным образцом экранизации классического произведения.

С развитием звукового кино режиссёры вновь берутся за экранизацию чеховского ли-

тературного наследия. В 1937 году появляются фильмы «Маска», «Навали», «Хирургия», «Медведь».

«Медведь» был наиболее удачным фильмом этого периода. Постановщик фильма молодой режиссёр И. Анненский, впервые дебютировавший в кино, подошёл чрезвычайно береж-

но к чеховскому тексту. Успеху чеховского волевого в кино способствовала необычайно удачная подборка актёров: М. Жаров (Смирнов), О. Андрюшская (Попова) и И. Пальцер (сауга).

Необходимо также упомянуть об экранизации чеховского рассказа «Золушничество», вошедшего в «Концерт на экране». Этот фильм, в котором И. М. Москвина исполнила одновременно две роли — «садовника и «золушничка», несомненно, была удачей.

Рассказ «Человек в футляре» принадлежит к лучшим творениям чеховского гения. Этот рассказ также был экранизирован. Роль Беликова сыграл Н. Хмельев. Фильм «Человек в футляре», несмотря на ряд существенных недостатков, воссоздал центральный образ рассказа и атмосферу, в которой жила Белкова.

К 40-летию со дня смерти А. П. Чехова советская кинематография выпустила два юбилейных фильма: «Свадьба» в постановке И. Анненского и «Юбилей» в постановке В. Петрова.

Фильм «Свадьба» поставлен по одноимённому чеховскому повелению с привнесением некоторых мотивов из рассказов «Свадьба с генералом» и «Жених и паленый».

Плодотворно поработал над чеховской шуткой «Юбилей» крупнейший мастер советской кинематографии В. Петров. Постановщик «Грозы», прекрасный полюбивший и воплощенный на экране Островского, он переложил чеховский рассказ-шутку, сохранив его комедийность, веселье. Актёры О. Андрюшская, Топожков, Н. Станция с большим мастерством и издумкой сыграли смешные чеховские персонажи.

Чеховские фильмы пользуются огромной любовью зрителей. Сила их велика, потому что в них отражено богатство чеховского творчества, потому что в них живет и играет неистощимый чеховский юмор. Ещё много замечательных произведений великого русского писателя жаждут воспроизведения на экране.

И. Мезинов.

НА ПРИЕМЕ У ДОКТОРА ЧЕХОВА

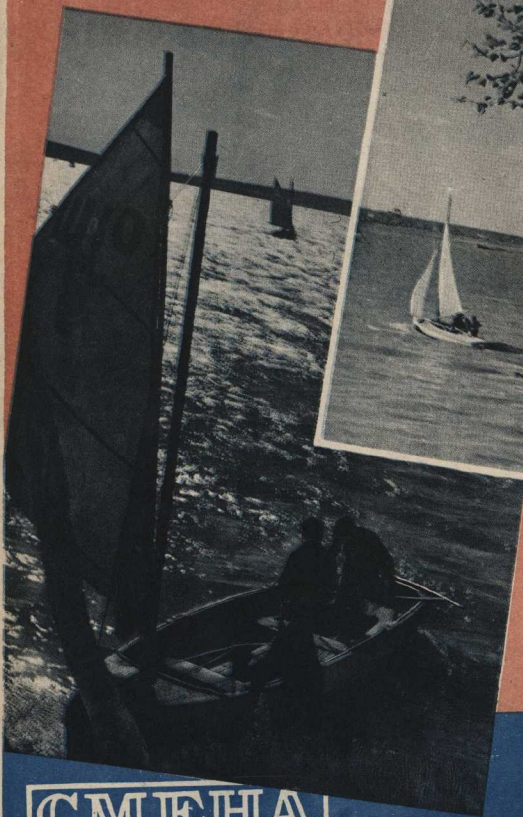

Антон Певлович (молодым писателям):—А ну, молодые люди, покажите ваш язык!

Рис. Г. Валька

Кадр из фильма «Свадьба». Невеста—З. Федорова, жених—Э. Гарин.

В воскресный день на Москве-реке.
Фотохудож. Л. Юлларенко

СМЕНА

Цена 1 руб.